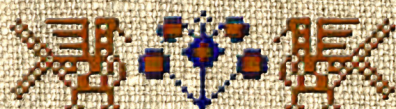

И.В. Власова

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ БЫЛИ

Путевые воспоминания

МОСКВА

2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

И.В. Власова

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ
БЫЛИ
Путевые воспоминания

МОСКВА
2014

ББК 63.5

УДК 39

В 58

*Одобрено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии РАН*

Власова И.В.

В 58 Экспедиционные были. Путевые воспоминания. – М.:
ИЭА РАН, 2014. – 164 с.

ISBN 978-5-4211-0097-3

Воспоминания известного этнографа Ирины Владимировны Власовой рассказывают об экспедиционной работе, проводившейся ей с 1950-х годов по настоящее время на Русском Севере, в Пермском крае, Забайкалье и других регионах России. Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 63.5

УДК 39

ISBN 978-5-4211-0097-3 © Институт этнологии и антропологии
РАН, 2014
© Власова И.В., 2014

Содержание

Т а м б о в (1955 г.) – первый экспедиционный опыт	5
Русский Север (1956–2014 гг.) – любовь на всю жизнь	8
З а б а й к а л ь е – мои первые полевые сезоны в Институте этнографии (1959–1960 гг.) и последующие приезды в Сибирь	50
Центральное Черноземье (Курск, Орел, Воронеж, 1964 г.) – обследования Комплексной экспедиции Института этнографии	60
Русские и белорусы Латвии (1971 г.) – внеплановая поездка	62
Пермская земля и московские пермяки. Одиннадцать лет жизни (1978–1989 гг.)	65
Иллюстрации	107

Наша экспедиционная жизнь проходит в основном в работе с населением и сборе полевой информации. Часть времени занимают экспедиционный быт, общение между участниками экспедиций и обычные человеческие отношения с людьми, среди которых ты живешь в это время. Но в этом последнем общении можно найти немало информации об изучаемом населении, его образе мыслей и поведении в различных ситуациях, его культурных предпочтениях. Иногда все это бывает парадоксально, обычно говорится с юмором и становится афоризмами. Наиболее интересно в этом плане речевое поведение (общение) собеседника, так как в нем можно уловить элементы сознания (самосознания) и ментальных черт характера. Все то же самое выявляется, если анализировать имена людей, их прозвища (антропонимию), а также названия мест (топонимию), где они живут и трудятся. Что же касается наших научных открытий, то они опубликованы в трудах института, поэтому здесь я не касаюсь их.

Тамбов (1955 г.) – первый экспедиционный опыт

Началась моя полевая деятельность в 1955 году, после второго курса исторического факультета Московского государственного университета, когда я попала в Тамбовскую экспедицию. Это была полевая практика перед распределением по кафедрам, где уже мы получали специализацию. Кафедру этнографии я выбрала целенаправленно, ибо еще на первом курсе, прослушав вступительные лекции по этнографии, которые нам читали на истфаке, поняла – «это моё».

В этой первой моей студенческой поездке я была самой молодой, остальные участники были с третьего и четвертого курсов и собирали материал для курсовых и дипломных работ, поэтому я взирала на них как на старших и старалась узнать побольше и о науке, и об экспедиции.

Сначала мы остановились в Тамбове, где надо было показаться областному начальству и выяснить, куда нам лучше поехать (фото 1). Город мы почти не видели, так как пребывание в нем было кратким. Но мы наведались на рынок, чтобы купить кое-какое продовольствие. Там, в молочных рядах мы распробовали ряженку, дотоле неизвестную нам потому, что в то время ее в продаже нигде не было; особенно мне как северянке было неведомо это южное кушанье. Кроме ряженки, мы пришли в восторг и от еще одного блюда, которым нас потчевала тамбовская столовая, – биточков в сметане. Они оказались такими вкусными, что мы брали их и на завтрак, и на обед, и на ужин. Надо сказать, что в те трудные годы, когда страна поднималась из послевоенной разрухи, усугубленной неурожаями и засухами, были большие трудности с питанием.

Затем мы поехали в Моршанский район, где в XVII–XVIII вв. жило однодворческое население – обособленная этнографическая группа сословного происхождения, образовавшаяся из мелкопоместных служилых дворян и ставшая промежуточной между помещиками и крестьянами, но со временем

слившаяся с крестьянским сословием. Однодворцев отличала от остального населения своеобразная культура (фото 2). В частности, их жилище состояло из одного помещения, где находились все от мала до велика. В таком доме разместились и мы, спали на полу вместе со всеми. Самое интересное, что иногда в холодные ночи мы обнаруживали, что между нами размещались овцы. Вообще в южнорусских крестьянских усадьбах не было крытых дворов для скота, который жил в загонах, зимой для него строили кое-какие сооружения. Эти шустрые овечки и вползали по ночам в жилое помещение, чтобы согреться, а так как места было мало, то они и спали вместе с нами.

Основной темой работы в этой экспедиции была мифология южнорусского населения, поэтому у нас очень часто шли разговоры о разных мифологических персонажах, особенно любили говорить о *домовом*. Каждый раз, укладываясь спать, а спали мы на полу в маленьком и единственном помещении в доме упомянутых бывших однодворцев – справа мальчишки, слева девочки – предупреждали друг друга, что если ночью на кого-либо «навалится» домовый, не забудьте спросить: «к худу или к добру», таким было местное поверье. Так, якобы, можно было узнать свою судьбу. Но что-то ни к кому домовый не приходил; может, еще потому, что мы, будучи молодыми, спали как убитые, и было не до домового.

Это лето было очень жаркое. Засуха мучила всех, пересыхали реки, пруды, ручьи и колодцы. Мы особенно страдали без привычной бани, и однажды, обнаружив небольшой пруд с водой, буквально плюхнулись в него и начали отмывать с себя пыль и грязь, наслаждаясь даже этой баней. Такое мытье случилось у нас раз за весь месяц экспедиционной работы. Правда, еще в одном месте мы набрали на водоем, где смогли купаться. Обычно купались до работы или после нее, затем переодевались, повесив мокрые плавки и купальники для просыхания на веревку. Наш начальник, а он был не намного старше нас, имел обыкновение отсылать домой посылки с грязным бельем, а чистое доставал из своего рюкзака. Однажды такая его деятель-

ность обернулась для него «легким испугом». Зашивая в посылку свое белье, он машинально прихватил с веревки купальник одной из нас и отнес посылку на почту. Девушка обнаружила пропажу, все принялись ее искать, а потом сообразили, что купальник мог попасть в эту злополучную посылку. Мы стали подтрунивать над начальником: получит жена его посылку и обнаружит там женское белье. Он не на шутку встревожился и побежал на почту. На его счастье посылку еще не отправили, ее вскрыли, извлекли купальник, и инцидент был исчерпан.

Один раз мы были серьезно обеспокоены, когда от местной учительницы узнали, что во всем районе карантин – свирепствовал бытовой сифилис, и кто-де мог нас сюда направить и пропустить за кордон. Мы по быстрому собрались, благо это был последний день нашего пребывания здесь, и помчались в Москву. По молодости и по глупости мы еще шутили, что скоро у нас провалятся носы (симптом этого заболевания) и мы станем уродами. Но смех и шутки прекратились, когда начальник по прибытии в Москву прямо с вокзала привел нас в венерологический диспансер, где у нас взяли анализы и сказали, что инкубационный период длительный, и если проявятся такие-то признаки, нужно немедленно явиться в диспансер. К счастью, в анализах ничего не было, и зловещие признаки не появились. Но после этого мы почувствовали, что в экспедиции нужно не только усиленно работать и иногда веселиться, но и остерегаться всяких опасностей.

Но вот одно приятное воспоминание осталось у меня – праздновали мой день рождения. Мне исполнилось 20 лет. По этому поводу написали поздравительный адрес, красиво его оформив. Сказали много теплых слов, и я поняла, что меня приняли в наше маленькое этнографическое сообщество, посвятили в этнографы. Это было очень волнительно, и я с чувством благодарности вспоминаю своих спутников до сих пор (фото 3).

Русский Север (1956–2014 гг.) – любовь на всю жизнь

Основные мои экспедиционные изыскания осуществлялись на Русском Севере. Им я стала заниматься еще в студенческие годы. Мой университетский учитель, преподаватель кафедры этнографии истфака МГУ Михаил Владимирович Витов¹ направил меня по этому пути, убедив в необходимости изучения моего родного края (я – уроженка Вологды). Он был, что называется, исследователем и педагогом от бога (фото 4). К каждому своему ученику он находил подход и предлагал тему для занятий, сообразно его наклонностям и характеру. Он научил нас работать и в полевых условиях, и с документами в архивах; обращать внимание не только на общее развитие изучаемого явления, предмета, обстоятельства, но и на все нюансы и детали. Он приучил нас к дисциплине, к организованности в работе. Нашими девизами были: «Явиться ровно [в такой-то час] со всеми документами» (когда назначалось время сбора) и «Работать – кровь носом», то есть отдаваться работе в полную силу.

Когда кто-либо из нас начинал хандрить, не верил в возможность работы или преодоления трудностей – это у нас называлось: «Кругом один обман». Учитель убеждал нас собраться, все обдумать, не убежать ни от чего; он говорил шутя: «От себя не уйдешь». Когда вышла из печати его книга «Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.», на экземпляре, подаренном мне, он шутливо написал: «Чтобы окончательно осознала, что кругом один обман».

То, что мы приобрели «школу», обучаясь и работая со своим учителем, это бесспорно. Когда мы пришли в Институт этнографии и двое из нас – я и Э.А. Каменецкая – поехали в первую

¹ К сожалению, он ушел из жизни рано, в 45 лет (в 1968 г.). О его научной деятельности я написала статью в связи с 80-летием со дня его рождения: М.В. Витов – этнограф и антрополог (1923–1968) // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 107–118.

нашу институтскую экспедицию в Забайкалье, начальник Забайкальского отряда Г.С. Маслова отмечала, что мы уже настоящие специалисты-полевики. Мне М.В. Витов преподавал и бесценные уроки работы с архивными документами. Он привел меня в Центральный государственный архив древних актов (теперь – Российский государственный архив древних актов) еще на третьем курсе и положил передо мной писцовые книги XVII в. по Заонежью (по этому региону я писала свои курсовую и дипломную работы). Сначала я не могла прочесть ни строчки. На кафедре этнографии нас не учили палеографии. Он дал мне таблички с изображением написания букв в разные века и сказал, что если я разберусь и начну читать, то это мое счастье. Если нет, то придется заниматься другой темой. Несколько дней я разбиралась во всем этом, чуть не рыдала, но потом дело пошло, и я начала читать. С тех пор я смогла прочесть в архивах документы с XVI по XX века.

Первая моя экспедиция на Север была в составе студенческого отряда под руководством М.В. Витова в 1956 г.; целью экспедиции было изучение культуры населения в Новгородской и Псковской землях. Наш путь пролегал сначала через «кусок» Вологодской земли, где я получила первые навыки работы в поле по теме «сельское расселение». Я даже запомнила, что это была вологодская деревня под названием Малинуха. Деревня была маленькая, уютная, лежала в красивой местности (фото 5). Учитель доверил мне свою «кровную» тему о сельском расселении, и мое обучение началось с составления глазомерных планов деревень. Мы залезли на крышу избы (а на Севере избы высокие) и, оглядев панораму, приступили к плану. Я навеки запомнила все правила такой работы, и это пригодилось мне в дальнейшем, так как где бы я ни работала, я всегда составляла планы деревень. Мои планы были достаточно точными и похожими на планы учителя, так что он иногда не мог различить их. По таким планировкам можно узнать многое о жизни, истории, культурных традициях изучаемого населения, но об этом речь идет в наших научных работах.

Мне запомнилась еще одна северная деревня, в которой мы были позже. Это известное в Архангельской области Конец-Дворье, старинное поселение времен княжеско-боярского продвижения из Новгорода на Северную Двину, в Поморье. Землевладельцы той эпохи – вотчинники, называвшиеся на Севере *своеземцами*, основывали такие деревни, давая им названия типа *Великий Двор*, *Большой Двор*, *Княгинино* и т.п. Самым замечательным в этой деревне была ее планировка. Кроме своего старинного названия и необыкновенной красоты, эта деревня сохранила круговое расположение дворов (*круговой план*). Такой план был свойственен славянским поселениям в древнерусское время, а может быть, и еще ранее. В доступное для обозрения время в них всегда был какой-либо центр: чаще церковь или часовня и небольшая площадь. Этот план почти исчез, иногда встречаются его фрагменты или более поздние виды. Чтобы запечатлеть Конец-Дворье, мы поднялись на церковь, откуда оно все было как на ладони, и смогли сфотографировать все части этого «круга».

До первой экспедиции мне не доводилось бывать в деревнях, ибо я городской житель во многих поколениях. Поэтому при знакомстве с деревней я обращала внимание на все, что было окрест и не ординарно, а главное, что могло сообщить интересную информацию о местных жителях, их занятиях, культурных традициях. Например, в памяти возникают названия стенгазет, которые всегда имелись у различных профессиональных работников, колхозников и т.д. Так, у железнодорожников газета называлась «За здоровый вагон» (нам неоднократно приходилось останавливаться и ночевать в железнодорожных депо), у рыбаков – «Семга», в Великом Устюге выходила районная газета под названием, если не изменяет память, «Великоустюжская советская мысль». У колхозников в одной конторе висел плакат:

*Коли вез в поля навоз,
Будет хлеба целый воз,
Коль не вез в поля навоза,
Кукиш с маслом снимешь с воза.*

А в упомянутом Великом Устюге, куда мы прилетели и усталые шли от аэропорта в город пешком по довольно пустынной дороге, нам встретилось строение – двухэтажный барак, построенный из некрашенных досок, а между окнами первого и второго этажей крупными плакатными буквами красного цвета было написано: «Искусство вселяет в жизнь бодрость и веселье!». Ну как тут было не приободриться и не развеселиться.

В красных уголках при деревенских клубах часто имелся гипсовый бюст Ленина или еще кого-либо из вождей, стоявший на угловом столике, покрытом красной тканью. В одном таком уголке ниже бюста была приколотая надпись: «Лузгать семечко и плевать сюда запрещается».

В деревенских клубах по вечерам устраивались танцы. Молодежь любила такое времяпрепровождение и дружно отплясывала под гармошку, несмотря порой на тесноту и духоту в помещениях. Все исполняли фигуры танцев-плясок точно, одновременно, не сбиваясь, и их лица сияли от удовольствия. Особенно любили деревенскую «Матаню» (похожую на кадрили).

Одно событие в этой экспедиции меня потрясло. В каждой деревне раньше на улице находился столб с репродуктором – работало деревенское вещание, и транслировались передачи центрального радио. Однажды я шла по улице и остановилась что-то записать, присев у такого столба на бревно, лежавшее возле. И вдруг на всю деревню раздалось по радио: «Начинаем музыкальную передачу. Слушайте “Болеро” Равеля». Я обомлела. Такое замечательное, хотя и передаваемое по деревенскому радио исполнение редко можно было услышать. Я прослушала все до конца, не шевелясь, и еще долго находилась под впечатлением услышанного. Но надо было приступить к работе.

Вернусь к нашему основному маршруту в то лето – Новгород–Псков. Он лежал через места, где в древности проходил «путь из варяг в греки». На всех домах висели таблички с современными названиями улиц, а ниже их – надпись об этом варяжском пути (фото 6). Забегая немного вперед, скажу, что при проводившемся в этой экспедиции антропометрическом обследовании

довании современного на тот период населения, живущего на этом «Пути», оказались скандинавскими показатели черепных промеров. Это ли не подтверждение данных о взаимосвязи населения регионов с самых ранних этапов их этнической истории.

Уже работая в первой своей экспедиции, я почувствовала, какой это нелегкий труд и физически, и морально. Приходилось перемещаться по скверным дорогам, часто в неблагоприятную погоду. А иногда преодолевать эти дороги на тракторе (так как никакой другой транспорт не спасал), «кормить» комаров или мошкэ, и при всем этом представлять перед местными жителями достойно, не теряя чувства ответственности за работу, помня, что мы студенты МГУ.

Вот несколько примеров разных трудностей, которые встречались на нашем пути. Помню, как мы работали у народа *сету* в Печерском районе Псковской области, где находится знаменитый Печерский (пещерный) монастырь. Проходя мимо монастыря, мы увидели, как монахи пашут на своей земле то ли плугом, то ли старой двузубой сохой, которых в те годы было еще много в разных подворьях.

Мы с трудом выдержали пребывание у сету, хотя нас неплохо принимали, охотно давали информацию, позволяли всё рассматривать, фотографировать, рисовать. Но нас буквально съедали блохи. Мы спали на поветях изб (верхних этажах хозяйственных дворов) на сене, так как лето было жаркое, и вот там полчища насекомых обрушивались на нас. Наши тела были сплошными кровоточащими расчесами, так что когда я заехала в Новгород к родственникам (учитель отпустил меня туда), моя бабушка ужаснулась и не знала, как меня вылечить.

Другая трудность состояла в том, что мы часто ходили по болотистой местности и могли попасть в настоящее болото. Однажды я шла по такой дороге, торопилась попасть на местный автобус, а следом за мной на лошадях мчались деревенские жители, которые хотели меня «арестовать», приняв за шпионку. У меня спереди на ремне висел фотоаппарат, в руках был планшет, на котором я рисовала план деревни, да еще я залеза-

ла на высокие места, чтобы лучше разглядеть местоположение селения; через плечо была перекинута полевая (армейская) сумка с записями и документами. Такие сумки нам выдавали в экспедицию. Преследователям все это показалось подозрительным. Но инцидент был улажен после разъяснения, кто я и что делаю. Была и еще одна трудность. В псковских и новгородских местах, особенно в лесах, болотах, оставалось много разбитой военной техники и неразорвавшихся снарядов, на которые можно было нарваться.

И еще надо было опасаться змей. Эти твари водились здесь. Одно такое пресмыкающееся свалилось с дерева мне в ноги, когда я шла по лесной тропке. Я в ужасе помчалась от него, а опомнившись, увидела, что нахожусь на заброшенном деревенском кладбище. Уже были сумерки, а где я оказалась, было неизвестно. Тогда я сообразила, что к кладбищу должна вести дорога. Действительно, маленькая, почти заросшая тропка вывела меня к деревне, и там мне объяснили, что я ушла в сторону от места, где должна была встретиться с остальной экспедицией. Меня вывели из этого «угла» к своим.

Наш Новгородско-Псковский отряд состоял из этнографов и антропологов и делился на группы по два, иногда по три человека, которые получали задание и отправлялись по указанному пути. Закончив работу через 3–4 дня, все собирались в определенном месте и обсуждали итоги работы. Во время таких бесед Михаил Владимирович и учил нас «уму-разуму». В деревнях часто оповещали жителей о нас, чтобы они знали, кто работает среди них. Иногда это делалось по радио. В одном месте надо было собрать людей для антропометрического обследования, нужны были мужчины родом из окрестных деревень. Диктор местного вещания объявил: «Вот что. Всем мужикам в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет собраться завтра к сельсовету к полудню на две-три, ну велико ли дело, на пять минут. Будет обследование. Говорил диктор Вошкин».

Наша антропологическая половина отряда при этих обследованиях попадала в разные ситуации и встречала разных людей с

их характерами, бедами. Надо было считаться с настроениями обследуемых людей, с тем или иным их состоянием. Так, в одной деревне пришел парень лет 20-ти, красавец, голубоглазый блондин, со сложением викинга (его фото вместе с другими сохранилось в архиве экспедиции). Он не снимал с головы кепку, надвинутую по самые брови. Это не позволяло сделать промеры его головы, получить черепные указатели и другие данные. Оказалось, что однажды с этим парнем случилось непоправимое. В компании в пьяном виде дружки нанесли ему на лоб татуировку с нецензурным словом, после чего он нигде не снимал кепку. Нужно было как-то поддержать его, успокоить и объяснить, что мы всё понимаем и не осуждаем его.

Другой житель на предложение антропологов снять обувь, т.к. надо было измерить его рост, снял сапог и поставил босую ногу перед их глазами на стол, за которым они писали его анкетные данные. Он подумал, что раз перед этим измеряли его голову, то теперь будут проделывать то же с ногой. Надо было также сдерживаться, не поднять его на смех и все ему объяснить.

Однажды нашим антропологам случилось работать вместе с медкомиссией, набиравшей новобранцев в армию. Это был удобный случай, т.к. все эти люди были местные, а собрать, разъезжая по округе, таких, которые составляют необходимую группу, было нелегко. Учитель предупредил, что новобранцы будут раздеты, и чтобы с нашей стороны не было никаких ухмылок, конфузливых чувств, смущений и всего прочего, надо вести себя естественно, будто мы тоже медики. Все – и медкомиссия, и наши антропологи – благополучно справились с этой работой.

Этнографические группы отряда также встречались с непредвиденными обстоятельствами. Как-то мы вдвоем с С.И. Дмитриевой работали в деревне (фото 8), и на ночлег нас пустили в одну избу. Там жил пожилой мужчина и с ним молодая женщина. Оказалось, он был ее свекром, а ее муж – сын этого старика – то ли погиб, то ли был где-то. Изба была небольшая, состояла из комнаты и кухни. На ночь все размести-

лись в комнате: хозяева вдвоем легли на кровать, а нам постелили на полу. Мы были крайне удивлены, что свекор и сноха спят вместе; мало того, они явно не стеснялись. Нас же это очень смущало. Потом мы поняли, что застали одно бытовое явление, получившее в науке название *снохачества*. Такие отношения были известны с очень давних пор и описаны в литературе. Мы знали об этом из курса этнографии, но встретить в реальности не помышляли. В других экспедициях, по рассказам их участников, такие случаи также встречались. Конечно, они не одобрялись жителями деревень, даже считались грехом, но все же происходили так же, как и связь тещи с зятем. (Можно вспомнить у И. Гёте в «Фаусте»: «Зять с тещей, сидя на суку, творили смертный грех...»). По мере своего взросления и участия во многих экспедициях мы приобрели опыт и стойкость к различным происшествиям, и они не мешали работе.

Во время разъездов по Северо-Западу мы заезжали в Санкт-Петербург (тогдашний Ленинград) (фото 7). В один из приездов участница экспедиции И.И. Баранова (будущая зав. Русским отделом ГМЭ) предложила остановиться у ее родителей. Их квартира находилась в Колпино, пригороде Ленинграда. Нас встретили бабушка Ирины Ивановны и ее младший брат, родители были в отпуске; в отъезде. Очень приветливая и добрая бабушка старалась нас как можно лучше угостить, все время хлопотала на кухне, готовя разные вкусные блюда. У нее были припасены на зиму различные заготовки с соленьями, квашениями и т.п. В одной из баночек были маринованные грибы, которыми она нас и накормила. Но, видимо, среди них попались ядовитые, и мы отравились. Бабушка была в полном расстройстве. Пришлось вызывать «Скорую помощь», которая долго возилась с нами, но поставила на ноги. Среди нас был студент-румын, не попробовавший эти грибы. Глядя на наши мучения, он говорил: «Я это предвидел». Некоторые из нас поправились к следующему дню и смогли уехать на работу, другие еще оставались до полной поправки. Колпинские грибочки нам запомнились надолго: видеть их не могли. Я только через

несколько лет снова стала есть их. Такие непредвиденные обстоятельства приходилось преодолевать в экспедиции.

В этой поездке были приятные моменты, когда все группы встречались и собирался отряд. Во время отдыха мы веселились, пели песни, рассказывали что-нибудь интересное. Однажды устроили «урок вокала»: старались показать тем, у кого было плохо со слухом, разницу в напеве строчки из одной песни, которая повторялась в начале и в конце куплета – «До чего же хорошо кругом» (название песни не помню). А как-то раз устроили телепатический сеанс: кто-либо один выходил из помещения, остальные загадывали какое-нибудь слово, вызывали отсутствующего, и учитель внушал ему задуманное слово (у учителя были какие-то такие способности). Некоторым, поддававшимся внушению, удавалось отгадать его.

В этой экспедиции мы разучили шуточный экспедиционный «гимн», который был сочинен братом директора нашего Института этнографии С.П. Толстова Н.П. Толстовым на мотив песни «Меж высоких хлебов». В нем были строки, посвященные антропологам, этнографам, археологам, и его пели многие поколения участников экспедиций. Вот слова гимна:

*Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село.
Горе-горькое по свету шлялося да на нас невзначай набрело.
А беда приключилася знатная: мы такой не знавали вовек,
Как у нас, голова бесшабашная, появился чужой человек.
А за ним вдруг нежданно-негаданно восемь девок на паре подвод,
И по избам ходили посыльные, к сельсовету сгоняя народ.
Мужиков всех в затылок поставили, вспоминали потом старики,
Брюхо цупали, мерили, весили, скидыва́ть заставляли портки.
В нос железною вилкою тыкали и до самой вечерней зари
Заставляли их зубы показывать и из банки пущать пузыри.*
(Это об антропологах)

*По деревне без дела шаталися, сундуки все велели раскрыть,
Все повети и клетки обшарили, всё тащили, что плохо лежит.*
(Об этнографах)

*За железной оградой церковною все могилы велели копать,
Мертвецов паковали по ящикам, и хотели еще ночевать.*

(Об археологах)

*Да спасибо, учитель додумался, догадался лошадок подать.
Разложили узлы, порасселись и подались в село Благодать.
Лишь могилы разрыты остались да с десятков бутылок пустых.
Птичка божья на них опускалася и, чирикнув, юркнула в кусты.*

Еще мы пели гимн, который любили студенты истфака. Там были строчки об этнографах:

*Кто бывал в экспедиции,
Тот поет этот гимн.
И его, по традиции,
Называют своим.
Потому что мы народ бродячий,
Потому что нам нельзя иначе,
Потому что нам нельзя без песен,
Чтобы в сердце не закралась плесень...
А этнографы бросятся собирать всё подряд.
Их ботинки изнаются и носы обгорают.
Они будут рисовать узоры,
Они будут собирать фольклоры,
Они будут портить аппараты,
Заснимая города и хаты.*

Пели мы и «песню археологическую», которая была сочинена на мотив одного танго:

*Помнишь ли мустьерскую культуру?
У костра сидели мы с тобой,
Ты свою изодранную шкуру
Зашивала костяной иглой.
Я сидел небритый и немыйтый,
Нечленораздельно бормотал.
Маленький кусочек эолита
Я на хобот мамонта сменял.*

Припев:

*Есть захочешь – приди и в пещеру войди,
Хобот мамонта вместе сжужем.
Наши зубы остры, не погаснут костры,
Эту ночь проведем мы вдвоем.*

*Ты иглой орудовала рьяно,
Не сводя с меня мохнатых век.
Ты была уже не обезьяна,
Но, увы, еще не человек.
И ночами снятся мне недаром
Холодок базальтовой скалы,
Тронутые лапой ягуара
Руки волосатые твои.*

Припев

Вот такой был наш студенческий фольклор. Эти песни передал нам «по наследству» учитель, а мы знакомили с ними тех, кто становился участниками наших экспедиций.

Надо заметить, что мы представляли собой очень своеобразную группу. Тогда, в 1950-е годы, жилось очень трудно, т.к. страна поднималась после войны. Мы были плохо одеты, часто донашивали форменные школьные платья, были непритязательны в еде, а в столовых иногда брали одну тарелку супа на двоих, потому что не хватало экспедиционных денег. Когда однажды в Старой Руссе мы пошли подкормиться в местное пищезаведение, нас накормили вкусными котлетами с жареным картофелем и красными помидорами. Последние в те годы появлялись редко и быстро исчезали. Для нас это была волшебная еда. К концу экспедиции я написала домой, чтобы к моему приезду приготовили такое же блюдо, хотя с продуктами везде было плохо. Но все это переносилось легко, т.к. мы были молоды, увлечены нашей работой и очень гордились, что мы студенты МГУ.

Когда одна из участниц нашей северной экспедиции А.Е. Тер-Саркисянц, тоже ученица М.В. Витова, по приезду в деревню появилась в довольно красивом одеянии, а не в затра-

пезном, как остальные, мы шутили по этому поводу. На ней, как мы определили, был халат с застёжками на пуговицы по всему переду. В руке она держала сумку-ридикюль (без ручки), которая явно мешала бы при работе. Она на наши замечания отвечала с достоинством, что это не просто халат, а платье-халат. Такие только начали тогда появляться. Ридикюль же взяла для того, чтобы носить с собой документы и деньги. Эта ее экипировка была не очень удобна в полевых условиях. Мой костюм был более приспособлен к экспедиционным условиям. Он состоял из шаровар, сшитых из черного сатина (в такие мы облачались на занятиях по физкультуре), и была еще трикотажная юбка на всякий более торжественный случай, но так как она находилась в рюкзаке, то всегда была ужасно мятая, и нужно было время, чтобы она отвиселась. Однажды в каком-то городке мы пошли вечером поужинать в ресторанчик и по этому случаю решили надеть «приличную» одежду. Мою юбку, вынутую из рюкзака, забраковали, и мне пришлось идти в своих шароварах.

В нашем отряде было трое студентов-румын, которые обучались с нами на кафедре этнографии. Их взяли для прохождения экспедиционной практики. Была сформирована группа, в которую вошли наш студент (родом из Тверского края) и румын. Они поселились в деревенской избе, им отвели одну постель на полу. Наш студент ложился спать, устав за день, почти не раздеваясь, даже иногда не сняв сапог и накрывшись своим плащом-макинтошем, а рядом с ним ложился румын в пижаме. Вообще румыны были экипированы лучше нас. Их головными уборами были шляпы, которыми они пользовались довольно своеобразно. Подходя к какой-либо деревне, они снимали шляпы и отряхивали ими придорожную пыль с обуви, а потом трясли их и водружали на головы.

Второй наш студенческий полевой сезон проходил в 1957 г., под руководством нашего учителя, и начинался он в Архангельске, затем через Шенкурск и бассейн Ваги-Кокшеньги мы продвигались к Сухоне, Великому Устюгу; основная же наша

работа шла в районах Вятки-Камы. Мне почему-то мало что запомнилось от этой экспедиции; может, оттого, что было очень трудно, приходилось преодолевать длинные маршруты. Нас разделили на небольшие группы, которые работали по определенной тематике, стараясь охватить как можно большую территорию. Я работала вдвоем со своей однокурсницей Э.А. Каменецкой, занимаясь, я – своим любимым сельским расселением и попутно немного жилищем, она – земледелием и сельскохозяйственными орудиями. Нам нужно было собрать материал не только о русских деревнях, но и о населении, соседнем с русскими или живущем вместе с ними. Так, мы направились в Глазовский р-н Удмуртии. Нас предупредили, чтобы мы строго соблюдали гигиену и не забирались в самые отдаленные места. Дело в том, что в то время в этих деревнях была распространена трахома, и ею можно было легко заразиться. Нас все время преследовала боязнь схватить инфекцию.

Мы добились до Глазова поездом, забравшись на третью багажную полку сидячего вагона и разложив свои пожитки. Сморенные сном, чуть не пропустили свою остановку в Глазове. Поезд стоял там 3–5 мин. Нас растолкали попутчики, и мы, схватив свои вещи, вылетели из вагона. Осмотревшись, пошли искать автобусную станцию, чтобы купить билеты на нужный нам автобус. На станции купили в киоске центральную газету, кажется, «Правду». У нас в запасе оказалось некоторое время. Оглядевшись, заметили симпатичный зеленеющий пригорок и решили ждать свой автобус там. Подойдя к пригорку, увидели, что он весь усыпан земляникой, и, конечно, принялись ее есть прямо с кустиков, переползая от одного к другому. Насытившись, стали читать газету. Первую страницу занимала редакционная статья, в которой сообщалось о попытке «заговора» в правительстве, о созданной группировке, кажется Л.М. Кагановича, В.М. Молотова, М.Г. Маленкова и «примкнувшего к ним Д.Т. Шепилова», которые выступили против Н.А. Булганина, Н.С. Хрущева. Мы тогда мало что знали и понимали в таких делах, но нас это просто поразило. Под таким впечатлением мы

поехали работать, думая, что же случилось в Москве и как там живут наши семьи.

Помню еще, что, поработав в Удмуртии и Пермской области, мы заехали в Пермь, там встретились с одним нашим студентом – В.Г. Красновым, уроженцем Перми. Он привез нас в дом своих очень милых и добрых родителей, которые нас обогрели, накормили и дали возможность отдохнуть. Знала бы я тогда, что со временем Пермь станет довольно значительным для меня местом, где я уже в организованной мною экспедиции проработаю с 1978 по 1989 гг., от начала сбора полевого материала и архивных изысканий до выхода в свет нашей коллективной монографии «На путях из земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв.» (М.: Наука, 1989).

На этом мои северные студенческие экспедиции завершились. Но с учителем я продолжала работать и после окончания университета, когда уже пришла в Институт этнографии. Мы писали совместную с ним монографию, первую для меня. Она была посвящена теме «сельского расселения», и основой ее стали материалы по Заонежью – «кровные» материалы учителя и материалы моей дипломной работы. К сожалению, Михаил Владимирович не дожил до публикации этой книги. Мне пришлось ее завершать, и она вышла после его смерти (География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1974). Мы писали эту книгу, работая в читальном профессорском зале библиотеки им. В.И. Ленина, куда я приходила к учителю. Однажды я не смогла прийти, т.к. накануне получила травму. Протирая пыль с высоких книжных стеллажей, находившихся под самым потолком, я упала и ушибла позвоночник. Пришлось лечиться. Учитель, узнав об этом, прислал мне письмо с правкой моих разделов книги. В конце письма приписал:

Вирши на падение И.В. Власовой с потолка

*Гордо парить возмечтав,
Пала ученая дева.
Труд ее следом за ней
Рухнет о главы невежд...*

Следующая поездка на Север состоялась, когда я уже работала в Институте этнографии. Это был 1966 г. Перерыв от студенческих экспедиций до 1966 г. заняли поездки в Сибирь и в южнорусские области.

Севернорусский отряд под руководством Г.С. Масловой выехал в 1966 г. в пределы родной мне Вологодской и Архангельской областей, добирая материал для «Историко-этнографического атласа», работа над которым шла уже несколько лет в нашем Восточнославянском секторе. Мы выехали из Москвы на экспедиционной машине и в первый день добрались до Ростова Великого, где заночевали в родительском доме нашей сотрудницы Л.Н. Чижиковой. Нас принимала ее мама, очень заботливая и приветливая женщина, которая сделала все возможное, чтобы мы, отдохнув, смогли продолжить свой путь. Этот дом, уютный, теплый, был проникнут необыкновенной атмосферой и напоминал дома бывшей уездной интеллигенции, о которой мы знали только по литературе, хотя теперешние хозяева принадлежали уже к советской интеллигенции. Пребывание здесь было очень приятным. Мы смогли и осмотреть город с его ансамблем великолепных историко-художественных и архитектурных памятников (фото 9).

Следующая остановка была под Ярославлем, в Карабихе, где находится дом-музей Н.А. Некрасова. Мы приехали туда довольно поздно и не смогли нигде устроиться на ночлег. Нам решили заночевать на территории некрасовской усадьбы. Мы поставили свою палатку и даже приготовили себе ужин, легли спать, а утром сотрудники музея провели экскурсию, рассказав о музее, Карабихе, Некрасове. Нам везде встречались удивительно доброжелательные люди, будь то сотрудники местных учреждений, музеев, а также жители тех селений, где шла наша работа, и мы их всегда помним с огромной благодарностью.

В этой экспедиции мы передвигались на своем академическом транспорте. Наш водитель, молодой человек по имени Рафик, которого мы в шутку звали то Рафанаилом, то Рафинадом, не обижался на нас. Рафик был очень любознателен, заинтере-

сованно слушал наши разговоры, касающиеся этнографии. К тому же, зная, что едет в экспедицию с сотрудниками Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, он взял с собой один из томов сочинений ученого и за месяц, что мы ездили, прочел эту книгу, хотя она, конечно, касалась не Русского Севера, а аборигенов Океании.

Наш дальнейший путь лежал от Вологды на северо-восток, до Великого Устюга и Сольвычегодска – вдоль реки Сухоны, низовьев Вычегды и верховьев Северной Двины. Трудности передвижения на нашей машине были невероятные, так что старшие участники экспедиции – начальник Г.С. Маслова и художник Н.А. Юсов – были вынуждены еще в Вологде сесть на пароход, направлявшийся по Сухоне к Устюгу, а мы, молодые сотрудники и аспиранты, поехали вместе с Рафиком на машине. Дорога была сносной только от Вологды до районного центра Рослятино. Одна из рослятинских деревень была родиной космонавта П.И. Беляева, летавшего с А.А. Леоновым (тем самым, который первым вышел в открытый космос). Их в то лето 1966 г. повезли на родину П.И. Беляева, где был создан музей, а перед этим заасфальтировали дорогу от Вологды, Рослятина и до деревни космонавта. А далее нам пришлось преодолевать тяжелый путь.

В одном месте мы решили сделать остановку прямо на берегу Сухоны. Разбили палатку и устроили баню (фото 10). Воду брали ведрами из Сухоны и нагревали ее на паяльной лампе, работавшей на бензине от машины; на ней готовили и пищу. Первыми мылись женщины (тазы у нас были с собой в машине), мужчины грели воду на лампе и подавали ее в палатку. Палатка была без пола, так что в ней было удобно мыться, не боясь промочить ее. Мы ухитрились также постирать белье, а потом его для просушки развесили на веревки, которыми крепились палатка. Затем мылись мужчины, а мы, женщины, подавали им воду. Ребята наловили в реке рыбы и раков и после бани устроили пиршество. Этот ужин мы еще долго вспоминали, поскольку летнее время – всегда самое «голодное», когда старый урожай уже съели, а новый еще не народился, купить что-либо

из продуктов в деревнях было трудно. Один из нас собирал материал по теме «Пища». Местные бабушки рассказывали ему не только, что ели, но и как готовили, угощая его своими кулинарными изделиями. Мы должны были записывать местные названия всего, что нам встречалось, так называемые этнографические термины. Везде говорили о еде страдного времени, известной у русских *тюре*. Особенно ее употребляли в сенокос. Она состояла из хлеба с луком, залитых квасом, и по-деревенски называлась «голожопенкой» (пустой едой). В такое время питались там довольно скудно, хотя интенсивно работали, т.к. это была страда (пахота, сев, сенокос, жатва). Такое же скудное питание было и у нас, поэтому мы и вспоминали свою остановку на Сухоне и тот шикарный ужин.

Добравшись до Устюга, мы встретились с нашими старшими товарищами и продолжали работу: сначала в устюжском музее с этнографической коллекцией, а затем поехали в деревни (фото 11). На этом пути нас ждало еще одно происшествие. Как-то по дороге нас остановили на посту милиции. Наш необычный для местных людей вид привлекал внимание. Мы ездили на грузовой машине военного образца, верх кузова был покрыт брезентом, спереди его закатывали наверх, чтобы для едущих в кузове был открыт обзор. Так как при езде всегда дул холодный встречный ветер, мы надевали на себя овчинные тулупы (ими нас снабжали на экспедиционном складе), головы покрывали платками либо шапками, поэтому вид был необычный – большая машина с какими-то людьми, закутанными по-зимнему, ехала по летней дороге. Когда нас остановил милиционер для проверки документов, женская половина экспедиции заверещала в один голос, что мы – научная экспедиция из Москвы. Милиционер взглянул на нас и строго сказал: «Гражданочки, не выходите из положения».

С милицией мы столкнулись еще раз, когда проезжали Кичменьгский Городок в Устюжском районе и остановились там у столовой. К слову замечу, что северные городки были основаны первопроходцами-новгородцами при их продвижении из Новгородской земли. Все городки имели укрепленный центр, к ко-

торому тянулись остальные строения. Это самые старые славянские поселения на Русском Севере. О былом статусе они навеки сохранили упоминание в топонимах – своих названиях типа *Кичменьгский Городок*, *Тарножский Городок*, *Чусовской Городок* и др. Но вернусь к нашему милиционеру. Оказывается, мы поставили машину в неположенном месте, и он, забрав права у нашего водителя, ушел. Мы долго его ждали, успели пообедать в столовой, но он не вернулся. Уехать без прав мы не могли, и нам пришлось разыскивать этого бдительного стража порядка. День был субботний, а по субботам все жители, как принято на Севере, мылись в банях, кои были у каждого при своих домах. Мы разыскали дом нашего милиционера. Он благополучно мылся в своей бане, совсем не думая о нас. К нему прямо в баню направились наши фотограф и художник, которых он как хороший гостеприимный хозяин вымыл, затем угостил и лишь потом отпустил с миром и с водительскими правами.

Наконец, мы приехали в деревни и начали работать. Однажды я шла по деревенской улице с планшетом в руках и смотрела, откуда лучше можно было бы рисовать план деревни. Я немного углубилась за деревенскую околицу и не заметила, что зашла на пасеку. Но пчелы сразу почувствовали чужого человека и ринулись на меня. Я, закрыв лицо руками, побежала обратно в деревню, рой устремился за мной, покусывая меня. Я влетела на улицу, навстречу шла Г.С. Маслова, весь рой от меня кинулся на нее и сильно покусал. Кончилось тем, что мы с ней заболели от этих многочисленных укусов, нас срочно доставили в больницу Великого Устюга, и мы какое-то время отлеживались в гостинице «Двина». Все лицо Гали Семеновны отекло, глаз не видно было. Мои руки распухли и очень болели. Но все зажило, и мы продолжили экспедицию.

Заканчивалась работа в Сольвычегодске, где в давнюю пору истории была вотчина Строгановых, тех самых, которых Иван Грозный вытеснил из Новгорода. Они, пройдя Север с запада на восток, от Вологды, Тотьмы, Соликамска, Сольвычегодска ушли на юго-восток Севера, достигли Пермской земли, где осно-

вали Верхний и Нижний Чусовские Городки и где снарядили Ермака в его поход в Сибирь.

До Сольвычегодска надо было плыть на пароме по Северной Двине и зайти во впадающую в нее Вычегду. Этот путь по воде занимал часа два. Мы спокойно плыли, на пароме стояла наша машина, отдыхали и мы, любуясь красивыми пейзажами. Паромщики сказали нам, что у них кончается навигация (к концу клонился сентябрь) и спросили, поплывем ли мы обратно. Нам непременно надо было возвращаться этим же путем, т.к. другого не было. Заканчивалась наша экспедиция. Они согласились взять нас через неделю: кое-какие нерегулярные рейсы у них еще были намечены. Приплыв на место, мы расплатились с ними, они показали, куда мы должны прийти, условились о времени и распрощались. Пристали мы к высокому берегу и, пока водитель вывозил нашу машину с парома, поднялись наверх, на холмистый берег Вычегды. Там пасла козленка одна местная бабушка. Завидев нас, она очень испугалась, т.к. подумала, что мы какое-то начальство. Тогда не разрешалось пасти свой личный скот где угодно, и она подумала, что мы ее оштрафуем. Волнуясь, она говорила нам: «Да я ничего. Я только вывела козла на угор, и больше ничего...». Мы успокоили старушку, спросили, как нам пройти к городу, и ушли.

В Сольвычегодске мы работали в музее, в котором были великолепные этнографические коллекции. Поскольку у нас оставалось мало времени, мы ограничились музейной работой и не ходили в деревни. Мы помогали нашему художнику и начальнику Г.С. Масловой, занимавшейся народным костюмом, и срисовывали орнаменты на тканых и вышитых вещах. Дело было несложное, но кропотливое (фото 12). Надо было наложить кальку на рисунок и цветными карандашами легонько копировать узоры. Этим делом овладели все. Работа шла небыстро, монотонно, мы часами сидели и рисовали, а однажды, чтобы не заскучать, принялись тихонько петь русские песни. У нас получился неплохой ансамбль, так что сотрудники музея заслушались и просили нас петь погромче, не стесняясь.

Через несколько дней работа была закончена, и мы направились на «пристань» к нашему парому. Мы пришли в условленное время, но никого не было. Ждали довольно долго – никакой транспорт по реке не шел. Уже была осень, действительно кончалась всякая навигация, а выехать с машиной отсюда ни на чем было нельзя: дороги осенью становились непроезжими, и мы могли остаться зимовать здесь. Мы, шутя, строили планы на будущее: как сообщим в Институт, что застряли; как будем здесь жить, если нас отсюда не вызволят, и вдруг увидели, что по реке в нашу сторону идет небольшой паром. Мы замахали руками, закричали, чтобы он причалил. Это был не наш паром. Нам рассказали, что наши паромщики, получив от нас деньги за рейс, купили ящик водки, напились и не заметили, как на пароме начался пожар. Их спасли, а паром сгорел. Надо было ухитриться гореть на воде. В общем, приплывший паромчик нас забрал и отвез с Вычегды на Северную Двину, откуда мы уже продвигались машиной домой.

Перед этой экспедицией летом 1966 г. я уже побывала на Севере. Мы поехали в Архангельск на конференцию по историческим проблемам. Приехали под вечер, разместились в гостинице, прилегли отдохнуть и незаметно уснули. Торопиться никуда не надо было, т.к. наши доклады должны были состояться на следующий день. Через какое-то время я проснулась, посмотрела на часы – они показывали 3 часа. Взглянув в окно, увидела, что светило солнце, маленькие дети играли в песочнице, а те, что постарше, ездили на велосипедах. С ужасом подумала, что мы проспали, а нам надо быть с докладами на вечерней секции в 15 час. Я разбудила соседку по номеру Т.В. Лукьянченко. Мы быстро собрались, побежали по гостиничному коридору, там за столиком дремала дежурная. Увидев нас, она спросила, куда мы торопимся. Мы объяснили, что опоздали на конференцию, нам назначено время – 15 час. Она сказала, что никуда мы не опоздали, сейчас ночные 3 часа, виноваты белые ночи, и мы можем спокойно идти обратно. А дети перепутали день и ночь, спят и гуляют, когда им заблагорассудится. Наутро

мы благополучно направились на конференцию. Навстречу нам по улице попала компания подростков. Увидев нас, один из них сказал: «А у одной-то пэчка на голове» (у меня были пучком заколоты волосы). Нам было смешно вдвойне, т.к. девичья фамилия Т.В. Лукьянченко была Пучкова. В общем, под эту пэчку мы каким-то образом попадали обе.

Во время этой конференции нам устроили поездку на Соловки. Нас вез туда огромный трехпалубный теплоход, разместились мы в комфортабельных каютах, в которых были душ и горячая вода. Пока плыли, проводили очередные заседания конференции. К самым островам теплоход не подходил – там не было причала для него. Он останавливался в море, километра за два от острова. С теплохода всех забирали катера, которые и доставляли пассажиров на берег. Пока мы плыли на катере, заметили, что на палубе был огороженный канатами угол, где находилась целая гора спасательных поясов. Пояса были в упакованном виде, и при аварии до них было невозможно по быстрому добраться и использовать их. Один из пассажиров сказал: «Зато с этими поясами удобно: надел, плюхнулся в воду, и задняя часть тела моментально всплывает над водой». На это наш учитель (он тоже был на конференции) заметил: «Да, но дышим-то мы не задней частью тела».

Мы гуляли по Соловкам с экскурсоводами, затем нам дали отдых, и мы с учителем пошли погулять по острову, где когда-то находился монастырь (фото 13). Учитель очень хорошо знал Соловки. Здесь в 1940-х гг. находился его репрессированный отец, и им с матерью разрешали раз в год навещать его. При заключенных островное хозяйство было в порядке, а после них была военная база, и тогда на Соловках было все порушено. Рассказывали, что фрески в храмах вырубали топором, а потом накладывали на стены штукатурку. Михаил Владимирович показывал нам остатки водной сети на острове – пруды, где разводили рыбу, каналы, по которым можно было плыть. Здесь существовали и огороды. Заключенные обеспечивали себя всем необходимым. Погуляли мы в небольших рощах и лесочках,

которые тоже содержались лагерниками. Одно было плохо – огромных размеров комары, которые нещадно кусались. Но когда мы вышли на берег моря, их ветром относило от воды, и мы даже спокойно могли купаться. Потом вернулись на свой теплоход и поплыли в Архангельск.

Затем были перерывы в северных поездках, и снова я попала туда в 1970 и 1972 гг. Мы поехали небольшой группой – я, С.И. Дмитриева, художники-архитекторы А. Ермолаев и С. Иванов, они же по совместительству и фотографы. Надо было завершать свои диссертации, и мы добивали необходимый материал. В 1970 г. работали в Архангельской области, в Емецком и Холмогорском районах (фото 14). Когда в деревнях мы представлялись сотрудниками научно-исследовательского Института этнографии (так было написано в нашем экспедиционном удостоверении), нас упорно принимали за девочек-студенток, поскольку обращали внимание лишь на слово «институт», хотя нам уже перевалило за 30. Посетили много интересных мест, собрали этнографический и фольклорный материал, а наши ребята сделали хорошие зарисовки и фото. Побывали в знаменитом Антониево-Сийском монастыре, куда добирались лесом. Там на каждом шагу росли белые грибы. Мы их набрали и пожарили на небольшом костре (у нас с собой в рюкзаках было кое-что из кухонной утвари), пообедали и вышли к монастырю. В то время там находился пансионат для престарелых. Сам монастырь и это «убогое заведение» находились в плачевном состоянии, что резко контрастировало с окрестными красивейшими местами. Было грустно взирать на все это.

В другой раз мы посетили родину М.В. Ломоносова, побывав в его деревне и в Холмогорском музее. Бдительные сотрудники музея впустили нас, заставили оставить наши рюкзаки чуть ли не на крыльце, не разрешили фотографировать, но экскурсию провела сама директор. В одном из «залов» она остановилась перед постаментом и с ужасом воскликнула: «А где же бюст?» Мы спросили: «Чей бюст?» Оказалось, пропал гипсовый бюст М.В. Ломоносова, который стоял на этом, пустом те-

перь, постаменте. Его принялись усиленно искать, перепотрошили наши рюкзаки, хотя было непонятно, как бюст мог бы попасть туда, если мы только что пришли и оставили их при входе в музей. Среди переполоха мы удалились, т.к. наша экскурсия на этом закончилась.

Из этой экспедиции возвращались по Северной Двине в Архангельск, плывя на пароходе, совершавшем свой рейс глубокой ночью. Мы с трудом купили билеты на него, он был переполнен пассажирами. Нам достались билеты на открытой палубе, в каютах не было мест, впрочем, и на палубе тоже. Мы попросили капитана пристроить нас в какое-нибудь помещение, убедив его, что у нас ценное оборудование и экспедиционные материалы. Он предоставил нам свою каюту, сказав, что всю ночь будет на капитанском мостике у штурвала. Эту ночь мы не спали, были переполнены восторгом от увиденного. Каюта была на носу парохода, ее окна, устроенные эркером, расширяли обзор. Нам была видна могучая Северная Двина с ее необычайной красоты берегами. Стояла северная белая ночь, светило солнце. И вдруг открылась невиданная нами доселе картина: по этой широчайшей реке с одного берега на другой плыл табун лошадей. Казалось, что плывут корабли, медленно, величаво; были видны лишь их головы и гривы. Наш пароход даже приостановился на время, пропустив их.

Вскоре это видение сменилось другим: мы наблюдали заход и восход солнца. Сначала с одной стороны эркеров-окон солнце зашло за горизонт, нырнув в Двину, и наступили сумерки, а через 10 минут оно вынырнуло из реки с другой стороны. Это было так неожиданно и захватывающе красиво! Остаток ночи мы провели, отмечая пришедшийся на то время день рождения одного из нас, и были как замороженные до прибытия в Архангельск.

В Архангельске еще раз я побывала в 1973 г. и работала в областном архиве. Там нашла интереснейшие документы времени Генерального межевания 1780-х годов – Подворное хозяйственное и этнографическое описание ряда архангельских уездов. Эти материалы позднее вошли в мою докторскую диссертацию. Архангельск меня поразила своей главной централь-

ной улицей, протянувшейся на несколько километров и называвшейся улицей Павлина Виноградова, революционного деятеля (из одного ее конца в другой ходил трамвай) площадью с театром и большим сквером, на котором разместился цыганский табор. Мимо него пройти было невозможно, т.к. каждого хватало цыганки, предлагая погадать, тут же сновали их дети.

В эти годы были трудности со снабжением продовольствием, в магазинах мало что можно было купить, в общепите еда была скудная. Местные жители каждые выходные дни отправлялись на Северную Двину и ловили себе рыбу на неделю. Трудно было купить молочные продукты. Я наблюдала, как рано утром все устремлялись в какой-нибудь магазин, куда привозили молоко, чтобы купить его для детей.

На так называемом «черном рынке» можно было приобрести кое-какие продукты и разные вещи, вплоть до раритетов. Я приценилась там к вязаной шапочке из мохера, нежного сиренево-розового цвета и спросила женщину, продававшую ее, идет ли мне этот цвет, на что та ответила лаконично: «Цвет лирический». Ну как тут было ее не купить?

В 1972 г. мы выехали на Север на экспедиционной машине, но маршрут был другой. Была сформирована Вологодско-Костромская группа. Сначала мы приехали в Кострому и пошли в отдел культуры Облисполкома, чтобы завизировать наши путевые документы и проконсультироваться, куда лучше поехать для выполнения экспедиционной программы. Нас долго «мурыжили», проявив бдительность; отсылали из одного кабинета в другой. Один из начальников сказал: «Идите в [такой-то] кабинет, там сидит Лёв Николаевич. Он разрешит вам поездку». Лёв Николаевич долго думал: пускать нас в костромские пределы или нет; наконец, на нашу просьбу сподобился дать добро. Кроме этого Лёвы Николаевича, нам запомнилась красивейшая площадь в Костроме, называемая и по сей день Сквородой (совершенно круглая, от нее радиусами отходили улицы), а также несколько старых зданий с их красивой архитектурой, особенно особняк Дворянского собрания.

Мы работали в костромских Солигаличе, Галиче, Буге, Кологриве, Чухломе (фото 15, 16). Сначала побывали в деревнях около Галичского озера и жили прямо на его берегу. Затем перебрались в другие места и остановились на окраине одной деревни, разбив там палатку. Походная мебель, необходимая бытовая утварь, раскладушки, спальные мешки были у нас с собой, так что мы не испытывали никаких неудобств от такого житья (фото 18). Перед поездкой в эту экспедицию я ездила в Болгарию на конгресс по ономастике и рассказала своим спутникам об этой поездке. Нашему художнику А. Комарову запомнился мой рассказ о посещении картинной галереи в Софии, где мне понравилась одна картина. На ней была изображена лежащая нагая женщина. Под картиной было написано по-русски «Обнаженная» и рядом по-болгарски – «Голо тяло». Художник, кстати, был внуком знаменитого армянского композитора А.А. Спендиарова, а его родители: мать (дочь композитора) – певица М.А. Спендиарова, а отец – один из художников-авангардистов начала XX в. Когда А. Комаров познакомил нас со своей матерью, то она не поверила, что я – начальник экспедиционного отряда; ей казалось, что при моих внешности и характере быть начальником невозможно. Она подарила мне коктейльный камушек с рисунком, похожим на южное звездное небо.

Вернусь к моему рассказу о болгарской картине. Повидимому, у нашего художника было очень развитое воображение. С моих слов об этой картине он изобразил такой же сюжет, передав и позу женщины, и положение, в котором находилось ее тело, и даже основную цветовую гамму картины. Эту «копию» мы увидели, когда отмечали мой день рождения. Был глубокий вечер, почти темно. Мы разместились за столом около палатки и машины, на столе был праздничный ужин. На борту машины была прикреплена эта «картина» с сообщением о моих болгарских впечатлениях и рядом поздравительный плакат с шуточной надписью: «37 (столько лет мне исполнялось) – это не 97, но и не 17» (фото 17).

Освещением в этой темной ночи служил свет от огромного фонаря, который был подключен к электричеству в машине. Еще днем мы записали на магнитофон местный фольклор – обрядовые песни и пляски. Развеселившись, включили запись и стали исполнять одну из увиденных плясок и петь разные местные частушки, вроде:

*Ах, какого я дал маху:
Надел красную рубаху...*

Или о мальчонке:

*В красной рубашоночке
Хорошенький такой...*

Было очень весело, так необычно праздновали мой день рождения.

После костромских мест через Мантурово, Шахунью перебрались в Вологодскую область. Тут нас настиг природный катаклизм. В то лето 1972 г. была жуткая жара, горели леса и торфяники, селения заволокло смогом. Мы с трудом пробирались по лесным дорогам (других не было) среди огня и дыма. Однажды доехали до засохшего ручья, через который был перекинут маленький мостик, ветхий, едва державшийся на берегах. Мы вылезли из машины, шофер поехал по мосточку, который трещал от нагрузки на него. Машина, лавируя, шла по более проходимым местам, и в одном таком месте ее колеса покатались в нескольких сантиметрах от края, так что в любой момент она могла съехать с него и провалиться в ручей. Мы вздохнули с облегчением, когда водителю удалось вывезти весь наш груз на другой берег, а он был ни жив, ни мертв от такой «операции».

У нас тогда появились попутчики – молодые ребята, служившие в десантных войсках, которых на парашютах спускали с самолетов в очаги пожаров для их тушения. Одну такую группу из четырех человек мы выбрали, а т.к. у них не было ни транспорта, ни денег для переездов, они с парашютами разместились в нашей экспедиционной машине, загрузив ее до самого потолка. Им надо было пробираться в деревни, собирать

народ с лопатами, ломами и прочими инструментами и идти в леса, рыть траншеи и другие оборонительные сооружения, чтобы преградить путь огню. Так мы целый месяц возили в своей машине по горящим местам этих парашютистов. Мало того, у них не было ни постоя, ни денег, чтобы питаться. Они жили с нами в избах и питались из нашего «котла». Когда им понадобилось перебраться в другую область, мы довезли их до железнодорожной станции, купили билеты и помогли погрузиться с парашютами в вагоны. Мы уже привыкли к такому совместному пребыванию, и было даже грустно расставаться.

Ужасно тяжелым было это лето. Перебравшись в пределы Вологодчины, сначала попали в Никольский район. Это самая юго-восточная окраина бывшего Великоустюжского уезда, да и самого Русского Севера. Удаленный от основных магистралей и железных дорог чуть ли не на 300 км, район стал неким «заповедником» в этнографическом смысле. Мы застали там людей, носивших старинную народную одежду, именно носивших, а не просто хранивших. По улицам районного центра Никольска навстречу нам шли женщины, облаченные в такие яркие костюмы, будто на нас надвигалось что-то большое, цветастое, в сарафане, шали, украшенное и вышивками, и лентами, и разными узорами. Этот район граничил в стародавние времена с исторической Пермью Великой, и традиционная культура его жителей хранила следы связей славянского и финно-угорского населения. Топонимия края также напоминала об этих связях. Так, мы работали в Пермасском сельсовете (пермяки, пермяне), где многие топонимы по происхождению были из языка древних пермлян.

Этот сельсовет был родиной нашего северного поэта и писателя А.Я. Яшина (1912–1968), лауреата Сталинской премии, борца за сохранение русской деревни и русского крестьянства, оставившего удивительную поэзию и прозу, проникнутую дыханием и атмосферой Севера и своего родного края, бывшего наставником наших современных писателей и поэтов, особенно своих земляков В.И. Белова и Н.М. Рубцова, теперь уже тоже умерших. Мы приехали на его родину, в деревню Блудново (от

«заблудиться») Пермского сельсовета, стоявшую в стороне от путей-дорог, поселились в избе, где жили его мать и сестра. Они охотно нас приняли. Мы попросили истопить нам баню, т.к. были прокопченные от пожаров. Баню нельзя было топить днем потому, что вокруг все было в дыму, опасались загорания деревни. Истопили ее ночью, тогда мы и смогли смыть с себя дорожную пыль и копоть.

А.Я. Яшина к тому времени не было в живых, а похоронен он был там же, на родине, в двух километрах от Блуднова, где на прославленном им Бобришном Угоре – высоком, холмистом берегу притока Северной Двины реки Юга (название от летописной *югры*) – стоял дом, в котором он проводил месяцы, работая над своими произведениями; тут же находилась и его могила. Река Юг – не столько приток, сколько один из истоков Северной Двины. Из слияния Сухоны и Юга начинается Северная Двина.

В доме А.Я. Яшина был небольшой музей: вся мебель была сделана из пней и дерева его учеником В.И. Беловым, который посещал его; здесь же находилась небольшая этнографическая коллекция из предметов деревенского быта. На стенах висели фотографии с изображением похорон Яшина – траурного митинга, на который приехали литераторы из многих мест.

В сопровождении его сестры мы шли к Бобришному Угору полем, где рос лен, и по этой дороге до берега реки нас «сопровождали» голубые льняные цветочки, сливаясь и с небом, и зеленью окружающего леса. Сама деревня Блудново была тоже очень красивая. В центре ее находилась часовня, в плане напоминавшая крест, стороны которого были улицами-дорогами в разных направлениях. Интересны были названия концов деревни: Угор, Мелентьева, Подгора, Хутор, Ланской Тракт.

Возвращение из этой экспедиции было несколько омрачено одним происшествием. Мы ехали на своей машине по лесу и решили остановиться, чтобы размяться. Перед этим прошел дождь, кругом было мокро и скользко. Я вылезала из кузова машины, держась за ее борт. Мои ноги в резиновых сапогах заскользили по подножке машины, рука попала между бортами,

и я, зацепившись обручальным кольцом, повисла пальцем на болте, скреплявшем борта. Кольцо на моих глазах рвало палец, так что обнажилась кость. Я от страха сначала не почувствовала боли, все тоже испугались, т.к. сильно лилась кровь, а палец был весь «в лохмотьях». Быстро пережали мою руку жгутом, приподняли ее кверху, залезли обратно в машину и поехали, выбираясь из леса. К счастью, мы оказались недалеко от районного центра Тотмы; тотемские купцы вместе с Российско-Американской торговой компанией работали в Калифорнии и были одними из основателей Русской Америки.

Меня быстро доставили в тотемскую больницу и, почти не раздевая, внесли в операционную, где молодой, 25–26-ти лет, хирург начал операцию. Сначала раскусили какими-то кусачками кольцо, болтавшееся на голой кости пальца. Кусачки взяли у больничного слесаря (другого инструмента не было), предварительно продезинфицировав их спиртом. Потом хирург зашивал палец, собирая его из кусочков. Операция длилась под местным наркозом часа два. Я сказала хирургу: «Теперь я знаю, что такое настоящее ранение», а он ответил: «Ох, милая, ты, к счастью, не знаешь, что такое ранение в живот». Наконец, нас отпустили, назвав интуристами; кольцо отдали нашему фотографу С.Н. Иванову, помогавшему вносить меня в операционную, приняв его за моего супруга. Везло мне в экспедициях на разные лечебные заведения. Но этого хирурга я вспоминаю с благодарностью и по сей день, он фактически спас мой палец.

Следующие поездки на Север состоялись в 1980-х – 1990-х гг. Они прерывались из-за того, что мы участвовали в работе над разными общими для отдела темами. Для нас частью этих общих тем были региональное исследование Северного Приуралья (о нем речь позже), общеинститутские издания «Славяне» (наш отдел участвовал в написании «Этнографии восточных славян»), коллективная монография «Семья у народов СССР» (разделы о русской городской и сельской семье) и такой фундаментальный труд, как том «Русские» (серия «Народы и культуры»), начатый в конце 1980-х гг. и изданный в 1997–2004 гг. (четыре его тиража).

При занятости этими работами мы зимой 1981 г. всё же вырвались в поездку в еще одно заповедное место Вологодской области – в Тарножский район. Добраться туда можно было только самолетом («Як»), других дорог через водораздел Сухоны и Ваги нет. Летели мы из аэропорта Вологды. Перед полетом как обычно, проходили досмотр; проверялись наши рюкзаки и всё оборудование у фотографа и художника. Нам в экспедиции, особенно в зимние, выдавали спирт для разных дезинфицирующих нужд. Этот спирт спасал нас, когда мы простужались, делали компрессы, примочки, полоскания; он использовался и для согрева, когда замерзали, продвигаясь по зимнему пути, и для угощения местных жителей, когда надо было создать нужную атмосферу и условия для непривычной им работы – срочно исполнять фольклор и т.п. Спирт в наших рюкзаках был не в заводской упаковке (его нам выдавали на нашем складе, разливая из канистр по бутылкам). В таком виде горючий материал нельзя было провозить самолетом. Бутылки обнаружили, изъяли и собрались составлять акт. Но мы знали, чем кончится эта процедура, – спирт просто употребят по назначению. Наш фотограф Сергей Иванов, не долго думая, зашел за стойку к работникам аэропорта, схватил эти две наши бутылки и понес их в зал, предлагая их ожидавшим рейсов пассажирам и провожающим. Досматривавший нас милиционер сначала опешил и ничего не предпринимал. Пассажиры опасались брать у нас бутылки. Тогда Сергей на глазах догнавшего его блюстителя порядка вышел из зала на улицу и вылил содержимое бутылок в сугроб. Была «немая сцена» – никто такого исхода не ожидал. После этого мы благополучно улетели. У нас в запасе еще был спирт, который мы рассовали в валенки, привязанные к рюкзакам. Их никто не досматривал. Так мы нарушили правила провоза багажа.

Наша работа проходила в деревнях, расположенных в бассейне р. Кокшеньги, притока Ваги, в свою очередь, впадавшей в Северную Двину. Эти деревни знамениты тем, что их жители – *кокишары* – составили обособленную этнографическую группу с интересной этноисторией, с самобытной культурой и сохраняли

свое самосознание и самоназвание в XX в. Нас приютили и опекали две жительницы – Н.А. Вячеслова (баба Наташа) из деревни Черепаниха и Е.А. Аксентьева (баба Лиза), из расположенной рядом деревни Черняково. Баба Лиза, у которой мы жили, была очень гостеприимна, старалась угостить нас местными изысками (фото 19). За месяц она скормила нам ведро соленых рыжиков, таз моченой брусники. Мало того, каждое утро нас ждал на столе кипящий самовар и блюдо с пирожными безе (тоже местный «изыск»), которые, что невероятно, баба Лиза пекла в русской печке. Рецепт этого изделия она взяла у своей дочери, жившей в Ленинграде (там она гостила каждый год). И баба Лиза, и баба Наташа часами работали с нами, когда наши фотограф и художник снимали и рисовали костюмы. Они и наряжались в них сами, и надевали их на нас, объясняя, как носили тот или иной костюм, по какому поводу его надевали, как его создавали и хранили. Когда мы уезжали в Москву, они испекли подорожники (вкусные северные пироги) и положили каждому в рюкзак сушеные белые грибы, из которых мы дома всю зиму варили грибной суп.

Связь с этими бабушками не прекращалась и после экспедиции. Мы отсылали им фото. От них к каждому празднику приходили открытки с поздравлениями, которые неизменно начинались так: «Две Ирины, две Татьяны, Сергей и Игорь! Поздравляем вас...». Кстати, о наших именах. В отряде действительно были две Ирины и две Татьяны. Они же – авторы коллективной монографии «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века» (М.: Наука, 2001). Когда в издательстве шла эта книга, меня попросили расшифровать инициалы авторов. Я сказала: «Там, где *И*, – это Ирина, где *Т* – это Татьяна». «А что же, других имен нет?» – спросили меня, на что я ответила: «Других мы не держим».

В первый день приезда сюда к нам пришел старичок, живший по соседству с бабой Лизой. Увидев, что среди нас есть мужчины, он попросил их помочь назавтра зарезать поросенка. Наши ребята несколько смутились и очень переживали, т.к. не только не знали, как надо резать поросенка, но и вообще, как

обходиться с этими животными. Их «спас» родственник деда, который приехал на следующий день, и все обошлось без участия наших ребят. Потом этот дед приходил к нам в гости по вечерам, и мы все вместе ужинали, а наши бабушки и дед рассказывали нам про свое житьё-бытьё.

Каким-то образом до местного сельсоветского начальства дошел слух о пребывании в деревнях неизвестных дотоле людей. И вот в нашу деревню примчался газик с начальством. Был солнечный зимний день, кругом лежал снег. Мы все работали с населением. Я же, как всегда, мерила шагами расстояния от дома к дому, преодолевая сугробы и нанося на планшет план деревни. Меня заметили с газика и помчались за мной прямо по снежному полю. Я уходила от них, не зная, кто они, думая, как бы мне не мешали заниматься делом. Их машина застряла в снегах, я ушла в соседнюю деревню, и мы не встретились. Этому начальству пришлось довольствоваться тем, что сказали о нас местные жители, которые уже к нам привыкли и полюбили нас.

Побывали мы и в районном центре – в Тарножском Городке, основанном первопроходцами-новгородцами в XIII в. Мы познакомились с учителем истории тарножской школы А.А. Угрюмовым. Я знала его и раньше, т.к. мы встречались на конференциях по аграрной истории, неоднократно проходивших в Вологде. А.А. Угрюмов самоотверженно работал не только на педагогическом поприще, но и как исследователь, который очень многое сделал для изучения Тарножско-Кокшенигской земли и опубликовал ряд интересных работ. Его ученицей в Тарноге, кстати, была сотрудница нашего Института Г.А. Комарова, которую он всегда вспоминал и в письмах к нам передавал ей приветы. Андрей Андреевич помог нам с выбором маршрута и всегда интересовался нашей работой. В своей школе вместе с учениками он создал небольшой этнографический музей и прививал детям интерес к истории родного края. Его замечательная семья была предана ему и участвовала в его работе. Когда он умер, родственники сообщили нам об этом печальном событии и рассказали, что он всегда нас вспо-

минал и хотел узнать, что нового мы «раскопали» и вообще, как развивается наша наука.

В следующие годы мы совершили более продолжительные и целенаправленные экспедиции на Север. Перед нами стояла задача написания монографии по этому региону. В нашем распоряжении уже был довольно основательный материал – и свой, и тот, что находился в архиве отдела, собранный нашими предшественниками. Оставалось посетить еще несколько мест на северо-западе и востоке Вологодчины.

В 1986 г. мы выехали в Вожегодский район и работали в деревнях по реке Вожеге, озеру Воже, Чарондскому озеру (фото 20). Этот край находился на стыке Каргополья, бывших уездов Олонецкой и Вологодской губерний; он соединялся через водную систему озер и рек с Белозерьем. У него была интересная этническая история; здесь долго сохранялась уникальная культура. В ней таились разносторонние культурные связи населения с разными регионами. С Вожегодским краем соседствует современный Харовский район Вологодской губернии, который также был связан с водной системой Белозерья. В этом районе находится родина северного писателя В.И. Белова – деревня Тимониха, где он и похоронен. Жители Харовского района – очень своеобразный народ. Места их жительства с древности находились рядом с летописной белозерской *весью*, и их предки, видимо, каким-то образом были связаны с этим древним племенем. В их исторической памяти сохранились об этом факте определенные знания и понятия. В 1950–1960-е гг. на вопрос о том, кем они себя считают по национальности, многие из них задумывались, и когда им подсказывали: «Вы русские?», – отвечали: «Нет, мы не русские, мы харовские». Их локальное сознание, сформировавшееся по территориальному признаку, нередко преобладало над общерусским.

Сначала мы поселились в одной из деревень на Вожеозере (так это название писалось исстари). Рядом с деревней стояло огромное величественное сооружение, оказавшееся овином. Когда один из нас – Г.Н. Чагин (теперь профессор Пермского

государственного университета) увидел его, то воскликнул: «Так это же Парфенон!». Мимо этого Парфенона мы и ходили ежедневно, посещая жителей и работая с ними (фото 21). Г.Н. Чагин носил с собой портфель довоенного образца. Из-за этого портфеля в деревне его принимали за фининспектора и думали, что он будет собирать какие-нибудь налоги. Но в этом портфеле умещались его записи и даже некоторые вещи, которые ему дарили для музея. У нас есть фото, на котором изображен Г.Н. Чагин с портфелем, а из него торчит прялка.

Надо сказать, что выглядели мы несколько карикатурно. Было зимнее время, нас экипировали полушубками. А для спанья мы взяли пуховые спальные мешки, очень легкие (до 0,5 кг), складывавшиеся в небольшую скатку, которую можно было прицепить к рюкзаку. Снаружи мешки были покрыты какой-то синтетикой. Их только что получили на нашем институтском складе и выдали нам. Спать, залезая в них, было очень неудобно, т.к. из-за синтетики в них дышалось с трудом. К тому же эта синтетика пропускала пух, которым были набиты мешки. Пух буквально «лез из всех щелей» и попадал везде. Он был в избе, на полу, на нашей одежде и на тулупах, которые, кстати, тоже были покрыты какой-то материей, в которую этот пух прямо въедался, и вытащить его оттуда было трудно. Мы перестали обращать на него внимание. Но когда однажды двое наших – А.В. Буганов и Т.А. Листова – пошли по деревне в таких «пуховых» полушубках, народ, увидев их, удивлялся: где эта пара могла так вывалиться, их как бы запорошило пухом.

В один из дней наши мужчины решили пойти пешком по озеру на другой его конец, где находилась легендарная Чаронда (название – от *чар*, *царь*, *жар*) – древний посад, со временем превратившийся в деревню и бывший вотчиной царского дворца. Путь километров в шесть они преодолевали по узкой тропке, обозначенной вешками – веточками и колышками, – чтобы можно было его различить, если занесет снегом. Их сопровождал наш хозяйский пес, который вел их туда и обратно. Придя в Чаронду, они застали почти запустение, лишь два-три человека

доживали там. Тем не менее, ребята смогли собрать этнографический материал.

Еще раз на озере побывал наш А.В. Буганов, которого взяли рыбаки на подледный лов. Он собрал данные о местном рыболовстве и принес нам свой улов. Мы быстро почистили рыбу, пожарили ее и сварили суп. Такой еды у нас уже давно не было, т.к. почти ежедневно питались кашами и картошкой с мясными консервами, несколько банок с которыми носили в своих рюкзаках.

Еще одно событие в этой экспедиции запомнилось мне. Была суббота; как и везде на Севере, в этот день обязательна баня. Уходя утром на работу, мы попросили нашу хозяйку истопить баню к вечеру, к нашему возвращению. Ребята заблаговременно наносили туда воду из речной проруби. Нам запрягли лошадь, мы поместились в сани и поехали, обсуждая между собой, какое наслаждение нас ждет вечером – баня. Лошадка наша тихонечко везла нас, мы не обращали внимания, что она прядет ушами – это она внимательно слушала. Вдруг на повороте она резко развернулась, так что мы чуть не вывалились из саней, подвезла нас к баням, стоявшим на краю деревни у реки, и остановилась возле одной из них. Мы долго ее уговаривали тронуться с места, говорили, что баня будет только вечером. Наконец, она нас послушалась и благополучно тронулась. В деревнях очень умные не только люди, но и все домашние животные.

Следующая северная поездка состоялась в 1987 г. в Великий Устюг. Надо сказать, что восточные пределы Вологодской земли по ландшафту и климату отличаются от западных. Если последние представляли собой равнины с речными долинами, лесами и болотами, то восточнее располагалась, как говорили в народе, наша северная Швейцария. Чем далее на восток, тем холмистее и гористее была местность и тем суровее климат. Деревни, как правило, стояли на самом высоком речном берегу-холме, и с него проглядывалось еще несколько таких же холмов с деревнями. Между холмами извивалась река с притоками и ручьями, и все это окаймлялось густыми лесами. Здесь уже начинались предгорья Урала. В таких местах, в основном по реке Югу, мы и работали.

Нам посоветовали проехать в Усть-Алексеевский район, в давнюю пору бывший в составе Устюжского уезда. Сопровождал нас сотрудник Великоустюжского музея Ю.П. Иванов, который «отвоевал» музейный транспорт, предназначенный для нас, у двух приезжих лекторов-пропагандистов, пытавшихся захватить нашу машину. Впрочем, мы доставили их до ферм, где они читали свои лекции, но и тут они пытались оставить себе машину, а Юрий Петрович повез нас в Усть-Алексеево. Он помог нам устроиться на постой и организовал нашу работу, проведя соответствующие беседы с местным начальством и жителями. Он и после экспедиции поддерживал связь с нами, общаясь о новостях в Устюге и поздравляя с разными праздниками. Когда мы возвратились в Устюг, он провел для нас несколько экскурсий, знакомя с городом и его великолепными памятниками. Великий Устюг, древнерусский город, – это северная жемчужина с достаточно хорошо сохранившейся архитектурой и многочисленными храмами (фото 22). Юрий Петрович рассказал нам историю, как в первые годы советской власти ученики устюжской школы, носившей имя М. Горького, обратились к Н.К. Крупской, прося присвоить школе ее имя. Она ответила им, что имя М. Горького нисколько не хуже. Недавно Ю.П. Иванов скончался (о чем его дочь сообщила нашему фотографу, его однофамильцу С.Н. Иванову, с которым он постоянно переписывался), память о нем мы с благодарностью храним. С Ю.П. Ивановым мне довелось встретиться еще раз, когда я и сотрудник Института отечественной истории Ю.А. Тихонов получили задание поехать в Устюг и провести экспертизу, а вернее, собрать данные против проекта переброса стока северных рек в Волгу. Курировавший нас Ю.П. Иванов сделал приятным наше пребывание там, несмотря на то, что нам предстояло доказать, насколько трагическим могло оказаться осуществление этого проекта.

Вернусь к нашему пребыванию в Усть-Алексееве. Мы застали там многое из традиционной культуры. Это красивое северное село, образовавшееся из слияния двух старинных деревень,

где сохранились высокие избы с мезонинами («мезиментами», по-местному) и балконами, украшенными резьбой (фото 23). В советское время в селе, ставшем центром района, появились сельский клуб с библиотекой, кинозалом, кружками художественной самодеятельности, свои хлебопекарня, столовая, общественная баня, комбинат бытового обслуживания, десятилетняя школа, детсад и ясли. Иногда мы пользовались колхозной столовой и приноровились к бане, где было даже парильное отделение. Как-то наши мужчины попарились в бане, затем выскочили во двор, стали нырять в сугробы, натираясь снегом, и не заметили, как деревенские дети с любопытством взирали на эту картину. Но это была небольшая беда, как они нам объясняли. Хуже было то, что при этой процедуре Г.Н. Чагин потерял очки, а кто-то наступил на них, и одно стекло разбилось. Новые очки невозможно было достать во всей округе.

В библиотеке клуба я нашла рукопись одного журналиста, родом из этого села, который описал историю родного края. Рукопись явилась ценным источником для изучения этого района. В то время, когда мы работали здесь, на экраны страны вышел фильм С.Ф. Бондарчука «Борис Годунов». Фильм привезли и в наш клуб, мы посмотрели его вместе с сельчанами. Нам было интересно, т.к. в нем в роли митрополита снимался наш приятель – артист Малого театра Р.С. Филиппов, который рассказывал нам и об этом фильме, и о С.Ф. Бондарчуке.

В составе нашего экспедиционного отряда был аспирант Тарас Процевят, родом из Львова, где он окончил архитектурный институт, поработал архитектором; Тарас поступил в аспирантуру нашего института и успешно защитил диссертацию по жилищу народов Прикарпатья (лемков, бойков, гуцул, русинов). Он говорил на языках этих народов и на польском, что помогло ему в работе над диссертацией. В наш отряд Тарас попал для прохождения полевой практики. Он очень хорошо рисовал, сделал не только этнографические зарисовки (изображения предметов быта, планы-чертежи жилища), но и этюды с видами Великого Устюга и устюжских деревень. Кроме того, Тарас хо-

рошо пел. Оказалось, его мама – певица Львовского оперного театра, и он сам участвовал в спектаклях, пел в хоре. В экспедиции по нашей просьбе Тарас пел для нас. Особенно нам нравилась в его исполнении песня про журавлей и еще одна, на стихи Дениса Давыдова, которые он пел проникновенно и душевно. Позже он женился на девушке-молдаванке, которая училась в Московской консерватории, и они вместе, бывая в нашем отделе, устраивали небольшие концерты.

Пока же мы были в экспедиции, вечерами после работы прослушивали магнитофонные записи фольклора. Под одну из песен стали устраивать импровизированные пляски. В песне пелось про домашних животных, живших в крестьянском дворе, и про разные происходящие события, а рефрен после каждого куплета – «А курочка по сенекам похаживает» – нам особенно пришелся по душе. Танцевали под эту песню Тарас и Таня Листова. Тарас отрывал ее от важного занятия, когда после ужина она мыла посуду (это была ее добровольная обязанность), и она, как была в фартуке, шла танцевать. Смешно было смотреть на эту пару: Тарас был обут в резиновые сапоги зеленого цвета (было сыро, т.к. все время стояла дождливая погода), а Таня – в красивые домашние тапочки.

Для Тараса в этой поездке было многое необычно. Он никогда не был на Севере и в русских селениях, не посещал наши старинные города. По приезде в Вологду, где всегда продавались изделия мастеров прикладного народного искусства (вологодские кружева, льняные изделия, шемогодская береста, устюжская чернь и т.д.), мы посетили художественный салон, где можно было приобрести такие вещи. Тарасу приглянулась кружевная накидка, которую он хотел купить маме для ее концертного платья. Но, к сожалению, мы не смогли собрать нужную сумму, т.к. она стоила очень дорого. Тарас интересовался, кто кроме русских живет в крае. Мы отвечали, что можем встретить соседних коми, и в шутку добавляли, что для лучшего знакомства с ними женим его на зырянке. Он часто, также в шутку, повторял: «Когда же вы жените меня на зырянке?» Много поз-

же Тарас вернулся в Украину и занялся политикой, стал депутатом Рады от украинского «Руха». Когда погиб Д. Дудаев, он с этими руховцами помогал его родным перебраться в Европу. Больше о Тарасе мы ничего не слышали.

После работы в Усть-Алексееве мы возвратились в Великий Устюг, где завершали свои дела с музейными коллекциями. Я решила провести некоторую разыскательскую работу. Мой прадед по материнской линии, родом из Устюга, был иконописцем («богомазом», как говорили в народе). Мне хотелось узнать что-нибудь о нем. От родственников я знала, что он писал иконы и фрески в севернорусских монастырях и храмах. У него была иконописная школа. Ему предложили переселиться в Вологду, в иконописную слободу, оттуда он со своими учениками артелью разъезжал по вологодским землям и выполнял работу. Его жизнь и переселение в Вологду – это целая «детективная» история, о которой я вкратце поведала в одной из своих статей (в сб. «Историческое краеведение и архивы». Вып. 18. Вологда, 2011). Из разговоров с музейными работниками Устюга я узнала, что это известный мастер, его звали Николай Алексеевич Дофин. Откуда такая фамилия (от наследника французского двора?), мне не удалось узнать, но в Устюге и сейчас есть носители этой фамилии. Иконы и фрески его письма сохранились в устюжских храмах. Расписывал он, как говорили родственники, Обнорский монастырь в Грязовецком районе и писал иконы еще где-то. Я пошла в реставрационные мастерские, где мне сказали, что есть много его работ, но все они на реставрации. Меня спросили, почему я интересуюсь этим мастером, и я ответила, что я его правнучка. Спустя некоторое время упомянутый мной Ю.П. Иванов прислал мне фото с изображением (иконой) основателя Михайло-Архангельского устюжского монастыря Киприяна письма 1897 г. с подписью Н.А. Дофина. Она висит, как мне сказали, в монастыре над «камушком» Киприяна. Я обомлела, когда увидела это изображение. Я не знала, что мой прадед был мастером академической школы. Эта его икона – удивительная сама по себе живопись. Еще мне сообщили, что полностью сохраненный иконостас

церкви бывшего Спасо-Преображенского монастыря в Устюге писал тоже Н.А. Дофин.

Когда устюжское начальство узнало об этой истории с моим прадедом (а мы обращались к начальству, чтобы оно посодействовало нам с отправкой в Москву), оно в шутку предложило мне остаться в Устюге, ибо, как они говорили, «корни мои там». Я отвечала, что только один из корней, и то переселенный в Вологду, из которой происходит весь мой род и с отцовской, и с материнской стороны. После Устюга мы приехали в Вологду, и уже там начальство стало оспаривать предложение Устюга; мне, в свою очередь, так же шутливо предлагалось остаться в Вологде, ибо для меня нашли место работы и должность. «Есть же у нас главный архитектор области, главный врач, – говорили мне, – а Вы будете главным этнографом». На это я также ответила: «Конечно, корни мои здесь, но гнездо я свила в Москве, и негоже мне его покидать». Я родилась в Вологде, окончила вологодскую школу, а затем приехала в Москву, поступила в МГУ, после чего стала работать в Институте этнографии, но с Вологдой и Вологодской землей я никогда не расставалась, бывала там каждый год: то в экспедиции, то работая в архивах, то участвуя в конференциях и сотрудничая до сих пор с коллегами кафедры этнографии исторического факультета Вологодского педуниверситета.

Надо заметить, что коллеги-воложане – А.В. Камкин и его команда – представители замечательной школы, которую создал и воспитал профессор истории этого университета П.А. Колесников, ныне умерший. Они продолжают дело своего учителя и растят хороших специалистов; некоторые из них, да и сам А.В. Камкин, проходят апробации работ в нашем Русском отделе, защищают диссертации в Диссертационном совете Института, печатаются в наших коллективных трудах. Моя экспедиционная команда, которая была постоянной во всех поездках на протяжении почти 30 лет, любила бывать в Вологде. Мы всегда посещали сам город, разъезжали по просторам области и работали в архивах и музеях. Мой родной город кажется удивительным не только мне, но и мо-

им спутникам. Он поражает своей историей: этот древнерусский город известен с 1147 г., он – ровесник Москвы, сохранивший немало памятников – свидетелей древней истории, чуть не ставший столицей опричнины Ивана Грозного, построившего здесь Кремль (где сейчас находится Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник). Нам приятно бывать там и потому, что у нас в Вологде много настоящих добрых друзей, которые встречают нас с особой теплотой, и мы отвечаем им взаимностью, испытывая те же чувства.

В Кремле размещается дворец архиепископа, и в одном из его отреставрированных залов проходила презентация нашего коллективного труда «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века» (М.: Наука, 2001), организованная Вологодским педагогическим университетом, Областным архивным управлением и Администрацией губернатора Вологодской области. На презентации в выступлении начальника Архивного управления О.А. Наумовой были оглашены итоги нашей работы. Оказывается, судя по подсчетам, мы трудились в архиве над несколькими тысячами единиц хранения (документов), которые по весу составили чуть ли не тонну. Мои благодарные земляки устроили нам грандиозный прием, который проходил не только в этом роскошном зале, но и в одной из башен Кремля; здесь разместилось кафе, где был концерт и звучали разные песни, в том числе на стихи нашего поэта Н.М. Рубцова и на музыку петербургского композитора А. Морозова. Кроме концерта, был банкет и теплая дружеская беседа. Мы долго не могли расстаться с вологжанами и после Кремля пошли в нашу гостиницу, где и продолжался праздник. Мне было приятно, что среди коллег-вологжан был и мой ученик А.А. Желтов, который учился в аспирантуре нашего Института, а после защиты диссертации стал преподавать в вузах Вологды.

Еще одну приятную встречу с городом вспоминают мои спутники. Нас пригласили в Этнографический музей под открытым небом, который находится в поселке Молочное под Вологдой, в том самом поселке, где производят знаменитое на

весь мир «Вологодское масло». Там расположен научный институт, носящий имя ученого Н.В. Верещагина (брата живописца В.В. Верещагина), поставившего производство масла по традиционным народным рецептам на промышленную основу. Здесь же находится и маслозавод, где разрабатывается технология его производства и где оно производится.

Этнографический музей великолепен. Хотя в то время действовала одна «улица», характерная для деревень Присухонья, впечатляло в нем всё: и высокие северные избы, украшенные резьбой, и предметы быта, размещенные в них, и северные костюмы, орудия труда и т.д. Нас встретили сотрудники этого музея – инициатор его создания Г.В. Сорокина и ее помощники. К нашему прибытию они в одной из изб, бывшей и «офисом» музея, накрыли стол: нас ждал самовар и вынутые из русской печи вкуснейшие северные пироги с разными начинками. После такой трапезы нам провели экскурсию по музею. Расстались мы с теплыми чувствами и взаимными пожеланиями успехов.

Во время нашего пребывания в Вологде, а мы продолжали бывать там и в 2000-е годы, нам всегда показывали город и его музеи, да и мне приходилось неоднократно проводить экскурсии своим спутникам. Всем нравился старый город с его тремя красивыми площадями: Плацпарадной с дворцом губернатора, зданиями бывшей гимназии и реального училища; Сенной и Гостинодворской с их торговыми рядами, Гостиным двором, зданиями Духовной семинарии, Городской Управы, Дворянского собрания, с тремя гостиницами («Пассаж», «Эрмитаж» и купеческой «Золотой якорь») (фото 24–34). В городе можно было встретить деревянные дворянские особняки, построенные в основном в стиле ампира; в одном из них было мое родовое «гнездо». А в одном из торговых рядов размещались скобяные ряды, принадлежавшие моему прадеду по отцовской линии (на паях с другими купцами), откуда происходят сохранившиеся у меня до сих пор столовые приборы и самовар с выгравированной царской короной.

Со своей родиной я, конечно, никогда не расстанусь, да и мои спутники всегда рады встречать дорогих нам гостей оттуда.

Забайкалье – мои первые полевые сезоны в Институте этнографии (1959–1960 гг.) и последующие приезды в Сибирь

Первой по времени экспедицией, когда я начала работу в Институте этнографии после окончания университета, была поездка в Забайкалье в 1959 г. Перед отправкой в нее нам сделали прививки от энцефалита, заразиться которым в сибирских районах можно было легко. Эта прививка, укол довольно большой дозы, вызывала болезненное состояние и температуру до 40°. После нее надо было переболеть два-три дня, а потом уже уезжать в экспедицию. Нас предупредили, что прививку переносить тяжело, и что некоторые мужчины, например, во время нее теряют сознание. Вдвоем с моей однокурсницей Э.А. Каменецкой мы пошли на этот укол и сначала не почувствовали недомогания, думая, по недомыслию, какие мы храбрые и выносливые. Шли домой, веселились, радовались предстоящей работе в интересной экспедиции. Дошли до одного кинотеатра, где висела афиша фильма «Дама с собачкой», в котором играл замечательный дуэт – И. Саввина и А. Баталов – и решили посмотреть фильм, поскольку могли его не увидеть, пока будем в экспедиции. Во время сеанса почувствовали себя плохо – началась боль в спине (укол делался под лопатку), поднималась температура и болели глаза. Еле досидели до конца сеанса и с трудом поехали по домам, где и залегли в постель.

Перед отправкой в Забайкалье мы получили напутствие от сотрудников нашего Восточнославянского сектора – секретаря В.А. Горелова и художника Н.А. Юсова. Художник, будучи ветераном, участником многих экспедиций, говорил нам о задачах этнографии, о роли этнографов в изучении народной культуры и учил, как надо работать в поле. Мы с интересом слушали его. Вдруг, вклинившись в эту пафосную речь, В.А. Горелов сказал: «А вот что было. Шел пароход, вез горох. В пароходе образовалась дырка, вода проникла туда, горох разбух, и пароход затонул». После этого обстановка разрядилась, но Горелов

получил упреки и «выговор» от художника за свое неуместное вторжение в эту лекцию.

В наших забайкальских полевых сезонах 1959–1960 гг. мы работали не менее трех месяцев в сезон, что было связано с отдаленностью этого региона и длительным путем туда. Мы участвовали в программе «Русские Сибири и Дальнего Востока», и Забайкалье было очередным этапом в этом исследовании (фото 35). Нас интересовало русское сельское население, значительную долю которого составляли старообрядцы-*семейские* (села Тарбагатай, Хонхой, Мухор-Шибирь, Бичура, Куналей, Красный Чикой и др.) (фото 36). Тогда еще можно было обнаружить традиционную культуру этого населения в достаточной мере (фото 39).

Культура русских Забайкалья в целом (как и других сибирских районов) четко различалась у старожильского населения (*сибиряков*), заселявшего регион в XVII–XVIII вв., и новоселов (*российских*), появившихся здесь с XIX в. У первых сохранялись культурные традиции севернорусского населения, поскольку основной миграционный поток в раннюю пору заселения Сибири шел с Русского Севера; у вторых – южнорусского населения – выходцев из южнорусских районов России. Даже говоры сибиряков – потомков первых насельников края имеют до сих пор черты севернорусских либо южнорусских говоров.

Конечно, культурные традиции хранили, главным образом, женщины, особенно у старообрядцев-семейских. Так, девушки, окончив среднюю школу и вступая во взрослую жизнь, снимали с себя школьную форму и надевали свой старообрядческий костюм, не изменившийся здесь с XVIII–XIX вв. Во время наших экспедиций этот костюм еще бытовал, и его многие носили. Это очень красочный наряд, в котором сочетались черты и северно-, и южнорусской народной одежды; очень сложным был головной убор – довольно громоздкое сооружение на голове из нескольких предметов, яркое и пестрое. Костюм дополнялся цветными поясами и янтарным ожерельем на груди (фото 38).

Часто можно было увидеть картину: по улице села мчалась на велосипеде молодая женщина в таком ярком, развевающемся на ветру костюме-сарафане и с огромным сооружением на голове, а сзади на багажнике сидел ее муж, которого она забирала у сельмага, где он «гулял» с приятелями, и везла его домой.

Умиление вызывали дети. Здесь, как и везде, они были непосредственными, часто очень сообразительными и любознательными. Однажды я шла по селу, впереди меня шагал малыш в школу (было начало сентября). Заметив меня, он решил произвести впечатление и стал напевать:

Хорошо, хорошо солнце в мае светит.

Это очень хорошо и большим, и детям.

Так мы и шли до школы – он, напевая, а я, любуюсь им.

В первый день нашего прибытия в село нас поселили в одной избе, где был мальчик лет 5–6-ти. Мы устраивались на новое жильё, носили бесчисленные баулы, рюкзаки и прочее наше снаряжение, сутились, наводили порядок; здесь был в основном женский состав отряда (фото 37). Мальчик молча наблюдал за нами, рассматривал нас и наши тюки. Поздно вечером, когда все легли спать и уже начали засыпать, в полной тишине и темноте с печи (где он спал с бабушкой) раздался его голос: «Кто же вы будете? Девки, бабы или доярки?». Мы, рассмеявшись, ответили ему, что, скорее, доярки, зная, что все колхозники жили летом на полевых станах в отдалении от сел, как бы уезжая, как и мы, из своих домов.

Старшее поколение жителей относилось к нам заинтересованно и уважительно, особенно когда люди убеждались в серьезных намерениях нашей работы. Один долгожитель, когда мы пришли к нему побеседовать, удивляясь нашим знаниям, спросил, сколько нам лет. И когда мы ответили, что 25, он заметил: «А я-то парень древний, мне 105. Я еще воевал с Колчаком, были в японском плену». Вообще о Колчаке и о русско-японской войне 1905 г. нам рассказывали во многих сибирских селениях. Там жили воспоминания, легенды, предания о тех далеких событиях.

Часто жители старались нас уберечь от каких-либо природных и климатических неприятностей (жары, суховея, песчаных бурь и т.п.), говоря, как и в какую погоду лучше одеться. Наша хозяйка на вопрос, какая сегодня погода, сказала: «Мляво» (от слова *млеть*), лучше побережись от жары и духоты. Вообще погода была непредсказуемая и для нас не всегда привычная и комфортная. Часто днем было 30° жары, даже в сентябре, а ночью в ведрах замерзала вода, и мы ее размораживали, чтобы умыться. Однажды в жару я решила искупаться. Это было на Байкале, где мы работали около Усть-Баргузина («Эй, баргузин (ветер), пошевеливай вал...»). Я вошла в воду и как ошпаренная выскочила обратно на берег. Вода в озере не поднимается выше 8° даже в жару. Плыть там невозможно. Зато нам удалось в предзакатное время с рыбаками на их катерах половить омуля. Правда, готовили пищу мы сами, т.к. их кухня нам не нравилась. Они готовили рыбу по рецептам коренных сибирских народов: сначала давали рыбе стухнуть, затем ее либо солили (своеобразная консервация), либо варили и жарили. Тухлая, даже жареная рыба казалась нам несъедобной. Но в нашем приготовлении мы наслаждались омулем.

Довольствоваться местной пищей мне пришлось, когда я попала в сельскую больницу. Дело в том, что в Забайкалье отсутствует йод в растениях, воде, а это приводит к зобным заболеваниям. Местное население спасается тем, что получает препараты йода в специальных медицинских пунктах. Короче, моя щитовидка вышла из строя, дала осложнение на сердце, с чем я и попала в лечебницу. Нас в этом селе хорошо знали, т.к. мы работали здесь уже второй сезон, причем проводили массовое подворное обследование. Жители прониклись к нам сочувствием, понимали, как мне «невесело» лежать в больнице в чужом месте. Они начали меня навещать и приносить передачи. Надо сказать, что забайкальские села огромные – по 800–1000 дворов, растянутые на многие километры, поэтому передвижение там происходило в основном на велосипедах или на автобусах, ходивших по маршруту с одного конца села на другой. И вот

такие передачи мне несли нескончаемым потоком, их было так много, что пока я лежала несколько недель там, кормилась этими передачами вся больница. В этих «гостинцах» были в основном круто сваренные гусиные яйца огромных размеров, молоко, оладьи непонятного вкуса и черемша. К такой пище я так и не привыкла. Сама больница представляла собой большой барак, разделенный на мужскую и женскую половины, где было по одной огромной палате и где лежали больные со всякими болезнями. В нашей женской палате даже лежали роженицы с младенцами.

По выходу из больницы меня решили отправить домой, в Москву. Наша экспедиционная машина довезла меня до Кяхты, откуда самолетом я должна была добраться до Читы, а далее поездом до Москвы. В Кяхте (а это наша граница с Монголией) я ждала вылета и глядела окрест. Там, за границей-проволокой, которая проходила рядом, в нескольких метрах, стояли монгольские часовые и разгуливали монголы в своих одеяниях-халатах. Было похоже, несмотря на часовых и разделяющую проволоку, что это не государственная граница, а просто соседнее село. Наконец, я села в крошечный самолетик. Летело нас двое – пилот и я, никаких попутчиков не было. Но тут началось нечто. Самолет летел на небольшой высоте, так что мог задеть крылом сопки, поэтому пилот, лавируя, вертикально ставил самолет «на крыло», а если неожиданно появлялась следующая сопка, резко перекидывал его на другое крыло, чуть ли не на 180°. Я каталась по салону, там не было ремней привязки, и пилот предложил мне доползти к нему в кабину и сесть на место второго пилота. Я возненавидела эти сопки. А как они были хороши ранним летом, когда покрывались цветами, особенно тюльпанами! Смотреть на них из села было одно наслаждение. Там, где не было цветов, разгуливали овцы, поедая траву и перескакивая с одного места на другое, как блохи. С дальнего расстояния они выглядели маленькими точками на склонах сопки.

Эти сопки еще раз обернулись для нас неприятностью, если можно так назвать песчаную бурю, которая застала нас, когда

мы однажды в ясную погоду решили прогуляться и поднялись на одну из них. Неожиданно налетел ветер, солнце скрылось, нас засыпало песком, но хуже всего, что мы потеряли дорогу и с величайшим трудом спустились по склону и добрались до села (фото 40).

Возвращаясь к нашему полету. С грехом пополам мы (вернее, я) долетели до Читы, меня высадили прямо на поле, рядом поставили мой рюкзак и ушли. Когда я отлежалась и пришла в себя, то выбралась из аэропорта и уехала в город. Но тут оказалось, что, покупая железнодорожный билет до Москвы, я отдала почти все имеющиеся у меня деньги (меня неправильно рассчитал начальник отряда), ехать надо было неделю. С такой скоростью тогда ходили поезда. От голодной смерти меня спасли соседи по купе – геологи, которые возвращались в Москву. Они кормили меня на свои суточные.

В первый наш сезон мы застали в Забайкалье еще одно страшное природное явление – землетрясение. До его начала мы приехали в Улан-Удэ и остановились в краеведческом музее. Получили отдых, пошли гулять по городу и зашли в кино-театр. Там в зале на каждом кресле лежали небольшие листовки с «Правилами поведения в общественных местах», отпечатанные местным отделом культуры Исполкома. В одном из правил было написано: «Двум лицам спариваться на один билет категорически воспрещается». Слава богу, у нас на каждого было по билету. После кино в радужном настроении вернулись в музей, где был и наш ночлег. Землетрясение разразилось неожиданно ночью на Байкале, достигло 7-ми баллов, может быть и более. Под воду ушло несколько селений. Наша машина стояла во дворе музея. Из-за жары решили ночевать тут же, во дворе. Несколько человек устроились в машине в спальных мешках. Старшие участники экспедиции расставили раскладушки прямо на земле и спали там. Когда начало трясти, мы уже спали, и спросонья я не поняла, что это землетрясение. Кругом грохотало, нашу машину качало с одного бока на другой. В кузове стояла огромная 200-литровая бочка с бензином. Тогда нам в

экспедициях «выдавали» бензин, просто так его купить было нельзя. Затычка из бочки выскочила, и бензин полился на нас, спящих в мешках, из которых мы не могли выскочить. Снаружи раздавались вопли: «Свят, свят, свят!». Мне в кромешной темноте и хаосе показалось, что наш шофер, вернувшийся ночью из ресторана, куда он отпросился отдохнуть, завел машину и мы с дикой скоростью несемся вниз по склону. Вся эта картина и ощущения проносились в голове за какие-то секунды. Наконец, нам удалось вылезть из машины. Во дворе, в раскладушках, которые сложились как картонный домик, барахтались наш начальник отряда Г.С. Маслова и сотрудница А.А. Лебедева; вверху, на галерее музея кричала жена директора музея (там была их квартира). Она в белой ночной рубашке до пят, с развевающимися волосами и кричала это «свят». К музейному двору примыкала только что отстроенная гостиница, еще незаселенная. На ее торцевой стене на наших глазах образовалась огромная трещина, от стены отваливались кирпичи, обнажились гостиничные номера. Утром мы обнаружили перед фасадом музея вывороченные трамвайные рельсы и потоки, текущие из провалившихся в земле труб.

В этот же день мы покинули Улан-Удэ и направились в Читу. Там на другой день, обедая в ресторане, мы ощутили толчки (а это от Улан-Удэ почти день пути), правда уже не сильные, но наши тарелки с супом «запрыгали» на столе. В Чите мы передали машину другому отряду и отправились в Москву.

Несмотря на перипетии, мы хорошо поработали в Забайкалье, собрали большой материал. Все невзгоды забывались, т.к. мы тогда были молоды, многое могли вынести. Этого материала хватило нам на написание монографии «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири» (часть II – Забайкалье. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1975).

Вспоминаются минуты отдыха от многочасовой работы и не совсем устроенного быта, во время которого мы даже пытались делать стенгазету. В то время такие стенгазеты существовали везде – в организациях, на предприятиях, в школах и т.п. Нашу

газету мы называли «Розовая лошадь». Не помню, откуда пришло такое название. Сверху газеты, где помещался заголовок, были изображены наши профили и бегущая вскачь розовая лошадь, и все это в цвете, т.к. оформляли газету экспедиционные художники. Ниже заголовка шли небольшие тексты с нашими впечатлениями и описаниями экспедиционных будней, с карикатурами. Правда, «издавать» такую газету нам не хватало времени, появились всего два или три номера (фото 41, 42).

Наши впечатления о забайкальских селениях пополнялись за счет коротких приездов в соседние бурятские улусы. Они были непохожи на русские селения. В каждом доме у бурят сохранялись на заднем дворе юрты – остатки их кочевой жизни, и в них они проводили много времени, молясь или совершая те или иные обряды. Центральное место в улусах занимали небольшие площади, где не было обычных для русских сел строений административного, торгового характера; на некоторых воздвигали общественный туалет. Такими неустроенными и неудобными в те годы были бурятские улусы. При нашем появлении жители выходили из своих домов и рассматривали нас, расспрашивали о нашей жизни и об экспедиции, показывали нам газету «Бурятская правда» («Бурят унэн»). Нам удалось посетить бурятский Иволгинский дацан, где ламы охотно разрешили присутствовать на их молении. От этого посещения на память остались фото молящихся, наше совместное фото с ламами на крыльце дацана и подаренные нам статуэтки буддийских богов. Мне достался Зон-Хова, которого я храню до сих пор как память о наших путешествиях по Забайкалью (фото 43, 44).

Кроме экспедиций в Забайкалье и Читинской области, в других регионах Сибири мне не довелось побывать по причине нездоровья и моей несовместимости с сибирским климатом. Но в городах Западной Сибири я работала в архивах или принимала участие в конференциях (1970–1980-е гг.). Вместе с сотрудником Института В.И. Васильевым мы работали в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области. Тобольск с памятниками времен Ермака, с Кремлем, губернаторской резид-

денцией, пересыльной тюрьмой, где содержались многие политические заключенные от декабристов до Достоевского, с домом, где заточили царскую семью, с памятниками писателю-сказочнику П.П. Ершову, ученому Д.И. Менделееву производил впечатление. Мы работали там зимой 1978 г. Город был весь заснежен, но он жил и бурлил. В то время его посещали строители новых сибирских городов (Сургута, Березова, Нижневартовска и др.), еще не обустроенных, прилетая маленькими самолетами на короткие побывки в свои выходные дни.

Когда мы приехали в Тобольск, из-за какой-то аварии прервалась телефонная и телеграфная связь с другими городами. Сообщение о прибытии в Сибирь мы не могли отослать в Москву. Наши близкие, в свою очередь, не могли до нас добраться. Мой супруг «поднял на ноги» всех, кого можно, – институт, родственников, знакомых, чтобы попробовали узнать сведения о нашем местонахождении, но было полное молчание. Через трое суток кое-какая связь была налажена, и ему удалось послать телеграмму директору Тобольского архива, который и принес ее мне в зал, прося связаться с Москвой. Наконец, все успокоились.

Нас взял под свою опеку один из преподавателей Тобольского пединститута; он проводил для нас экскурсии по городу. Мы смогли посетить даже городское кладбище, где, пробираясь через высоченные сугробы, осмотрели могилы декабристов. В одном из сугробов наш провожатый «застрял» и не смог выбраться самостоятельно. Смеясь, он заметил, что если бы здесь были его студенты, то непременно поострили бы на счет того, что «доцент валяется в снегу».

Еще меня поразило одно обстоятельство. Обслуживающий персонал архива был немногочисленным, и ему в помощь приводили заключенных из тюрьмы, которая была через дорогу от архива. Они работали в хранилище, подбирая заказанные документы для читателей, и приносили их прямо в зал. Каждого заключенного сопровождали двое конвоиров.

Несколько раз я приезжала в новосибирский Академгородок для участия в научных конференциях. Особенно запомнились Всесоюзная научная конференция «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», организованная Сибирским отделением истории АН СССР и Институтом истории АН (1981 г.), и III Международный симпозиум «Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки» (сб. вышел в 1990 г.), организованный нашим американским коллегой Ричардом Моррисом и сибирским отделением истории АН СССР. Сам Р. Моррис занимался староверами Канады и США.

Итогом работы в экспедициях и архивах Сибири, а также Русского Севера стала моя монография «Традиции крестьянского землепользования Поморья и Западной Сибири в XVII–XVIII вв.». На эту тему я защитила докторскую диссертацию в 1988 г. В 1993 г. она была включена в цикл монографий «Традиционная культура русского народа» и в числе еще четырех авторов нашего отдела сих монографиями я стала лауреатом Государственной премии РФ по науке.

Центральное Черноземье (Курск, Орел, Воронеж, 1964 г.) – обследования Комплексной экспедиции Института этнографии

Наша работа на Севере, как уже было упомянуто, проходила с перерывами в разные годы. Так, между северными поездками я попала в 1964 г. в сформированный в Институте комплексный отряд, который направили в Курскую, Орловскую и Воронежскую области, и перед которым поставили задачу выявить «маяки коммунизма». Эта задача была следствием провозглашенного Н.С. Хрущевым в начале 1960-х годов лозунга: «Через двадцать лет советский народ будет жить при коммунизме». Выявляя эти очаги, мы, конечно, не забывали и свои «кровные» темы и работали, как всегда, с увлечением. В отряд, кроме сотрудников Института, входили работники ленинградского Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российского Этнографического музея). Целью последних было находить памятники народной культуры и, по возможности, наметить места, где еще таковые сохранились, учитывая, что эти районы сильно пострадали от войны. Помогая ленинградцам, мы старались объехать побольше районов в этих трех областях, на что уходило много времени. Тем не менее, мы смогли собрать материал и для себя; я помню, что мой научный отчет по любимой мною теме «Сельское расселение» занял более 100 печатных страниц на машинке (фото 45, 46).

Самый значительный «маяк коммунизма» был на родине Н.С. Хрущева в Курской области. Он разительно отличался от всех окрестных деревень. В нем вместо изб или хат были двух-, трехэтажные кирпичные дома для колхозников (своеобразные коттеджи того времени), хорошие дороги, налаженное хозяйство. Похоже, что и в материальном отношении люди жили лучше, чем в других местах.

В этом регионе нам встретилась еще одна группа населения, разительно отличающаяся от остальных жителей. Это были

сектанты-баптисты. Они стойко держались и, несмотря на негативное отношение к их вере, «крепили единство своих рядов», берегли свои традиции. К нам они отнеслись уважительно, охотно рассказывали о жизни, о существовании среди «моря» инаковерующих, разрешили присутствовать на своем молении. Поскольку в те дни праздновался яблочный Спас, они угощали нас яблоками и едой своей народной кухни. В годы советской власти их ничто не свернуло со своего пути.

Кроме работы, мы сумели организовать и «культурную часть» своей поездки, посещая местные музеи, особенно мемориальные музеи русских писателей-«степняков» и В.Г. Белинского. В Воронеже мы расположились прямо в областном краеведческом музее, т.к. в гостиницу было трудно устроиться. Нам разрешили поставить наши раскладушки прямо в экспозиционном зале. На ночь мы их раскладывали, утром убрали. Моя раскладушка оказалась рядом с якорем, когда-то находившимся на кораблестроительных верфях Петра I. Так как в зале не имелось никаких стульев, куда бы можно было положить или повесить пожитки, мы облюбовали для этих целей якорь. Так бесцеремонно и по-глупому отнеслись к музейному экспонату. Тогда это не вызвало нашего раскаянья, теперь бы осудили любого за такую вольность.

Еще в Воронеже было одно приятное мероприятие. У одного из наших спутников – сотрудника Русского музея, нашелся земляк-одноклассник в Воронежском оперном театре: и не просто артист, а премьер этого театра. Он пригласил нас на генеральную репетицию «Травиаты», и мы с удовольствием слушали оперу, а затем пошли в гости, на ужин к этому певцу. Там музыкальный вечер был продолжен, т.к. его жена была хормейстером этого же театра, а маленький сын забавно копировал отца, показывая, как тот поет.

Больше мне не доводилось работать в южнорусских районах, но благодаря этой поездке появилась возможность для сравнения культурных традиций южан и северян.

Русские и белорусы Латвии (1971 г.) – внеплановая поездка

Летом 1971 г. в свой отпуск я присоединилась к Прибалтийской экспедиции Института, которая выехала в Латвию для сбора материалов о русско-белорусском населении в латвийских районах. Я не занималась этой темой, поэтому была свободна в своей жизни во время экспедиции. Я помогала по хозяйственно-бытовой части: когда все уходили, готовила еду, наводила порядок в нашем жилом помещении, общалась с местными жителями, разъясняя, над чем работает экспедиция.

Различные казусы и происшествия были неизбежны, и они случались, как и в любой другой экспедиции. Меня поначалу поражало все, особенно хуторское расселение в прибалтийских районах, которое я могла сравнивать с нашим сельским расселением русских деревень. И еще удивляли очень хорошие дороги, по которым мы ездили и которых не встречали в других местах. Нам не приходилось ходить по населенным местам пешком и носить на спинах рюкзаки, т.к. наша машина везде могла проехать и подвезти наши пожитки, поэтому мы поехали туда с чемоданами, а не с рюкзаками.

С утра все разъезжались по ближним хуторам, приезжая к обеду, затем снова уезжали и возвращались к вечеру. Я занималась паяльной лампой (это был мой очаг), в которую с утра шофер наливал бензин, и я на ней готовила нашу нехитрую еду. Все это происходило на улице, вернее на школьном дворе, где мы жили, и ко мне наведывались дети и подростки. Они с любопытством наблюдали за мной, завязывали разговоры. В первые дни я хозяйничала, облачась в купальник, т.к. было жарко, заодно можно было загорать. Но когда стали появляться гости, пришлось одеваться соответственно обстоятельствам. Да и В.И. Козлов, один из участников нашей экспедиции, заметил, что если я буду разгуливать в таком неподобающем наряде, то к нам сбежится вся округа.

В свободное время я занималась вязанием: к следующей зиме решила связать себе теплую юбку из грубой шерсти. Когда юбка

была еще в отдельных деталях, у нашего шофера случилось недомогание – радикулит. Он, бедный, ужасно маялся, ему трудно было сидеть за рулем. Лекарства, которыми он обзавелся в местных амбулаториях, мало помогали. Тогда я предложила ему привязать к пояснице мою юбку; вернее, связанный к тому времени ее перед. Он не соглашался использовать мое изделие по такому назначению, говоря, что «юбка еще не надёвана, и грех ее привязывать к его пояснице». Мы все уговаривали его; наконец, он сдался, т.к. боль была очень сильная, да и двигаться ему было трудно. Мало-помалу то ли юбка, то ли лекарства (а может быть, и то, и другое) помогли, ему стало легче. И все говорили о чудодейственном свойстве моей юбки, даже в ее недовязанном виде. Потом, когда она была связана, я ее долго носила.

Однажды, когда мы улеглись спать и уже заснули, нас разбудил какой-то странный шум: будто кто-то бежит по полу и стучит. Одной из нас показалось, что в нашей комнате (а женщины и мужчины спали в разных комнатах – школьных классах) кто-то разгуливает по кроватям. Тут мы испугались и закричали, думая, что «вдруг это мыши»; вскочили, зажгли фонарик, стали осматривать нашу комнату и увидели ежа, который побежал от нас, стуча лапами по полу. Наутро мужская комната предъявила нам претензию, что мы мешали им спать своими криками и возней.

И еще случилось одно ночное происшествие. Любопытная молодежь не давала нам покоя ни днем, ни ночью. Как-то в полной темноте у наших окон появились ребята, наводя на нас фонарик. Мы, конечно, повскакивали с кроватей, пытались их прогнать, но наши уговоры не помогали. Тогда участница экспедиции Э.В. Померанцева, а она была уже пожилая, подошла к окну, показывая свое лицо и говоря ребятам: «Посмотрите на меня, какая я старая. Куда вы лезете?» Это сработало, и вся шумная компания удалилась.

Неподалеку от нашей школы мы обнаружили то ли речку, то ли пруд, где мы несколько раз купались, и это заменяло нам баню. В реке водились странные, на наш взгляд, обитатели, по-

хожие на змей. Это нас встревожило. Мы перестали туда ходить, да и пришла пора покидать это место. Наш дальнейший путь лежал в Ригу, где мы разделились, и некоторые из нас поехали в Вильнюс. Там мы остановились в семье бывших учеников Эрны Васильевны – фольклористов и получили возможность осмотреть этот великолепный город.

Все прибалтийские столицы, в которых мне удалось побывать, участвуя в разных конференциях, очень красивые, и особенно мне понравился старый город Таллина. Я всегда старалась узнать как можно больше о тех местах, где бывала, и не только слушала рассказы экскурсоводов, но по дороге всегда обращалась к местным жителям, расспрашивая их о том или ином событии, здании и т.п. Такие обращения всегда удивляли моих спутников, а ими на этих конференциях были в основном историки. Они приписывали этот способ общения моим этнографическим способностям и опыту, даже в какой-то мере завидую мне, т.к. они сами стеснялись напрямую общаться с людьми, особенно с нерусским населением тех или иных мест.

Этнографический опыт не раз помогал мне и спасал в разных непредвиденных обстоятельствах: помогало умение вступать в общение с незнакомыми людьми и располагать их к разговору, иногда задушевному, чтобы люди начинали воспринимать тебя как близкого им человека. Но это умение не было моей органической способностью, ибо от природы я была очень несмелая и стеснительная для таких бесед. Это пришло со временем и с опытом работы в этнографических экспедициях. Теплые отношения часто не прекращались и после поездок: завязывалась переписка, рассказывали новости, передавали приветы.

Пермская земля и московские пермяки. Одиннадцать лет жизни (1978–1989 гг.)

Пермские экспедиции начались в конце 1970-х годов. Их организовали, чтобы изучить, как народная культура русских, «вышедшая» в конце XVII – начале XVIII вв. с Европейского Севера, в ходе миграций населения «прошла» через Урал в Сибирь.

Первая поездка была рекогносцировкой, нужно было наметить районы для более детального изучения, чтобы после их обследования был материал для монографического описания Прикамья. В этих поездках с нами работал уроженец Пермской земли Г.Н. Чагин, сначала аспирант нашего института, затем докторант, а теперь профессор Пермского государственного университета. С первых же дней пребывания в пермских районах мы познакомились с сотрудниками областного и районных краеведческих музеев: с директором Пермского музея Э.П. Андерсон и позже сменившей ее на этом посту С.А. Димухаметовой, с директором Соликамского музея Д.Г. Соколовой, с учеником Г.Н. Чагина – О. Кутьевым (к сожалению, рано умершим) и др. Это были добрейшие люди, преданно и самоотверженно служившие своему делу, опекавшие нас во время нашего одиннадцатилетнего пребывания в этом крае. Мы подружились со всеми ними, и они до сих пор называют нас московскими пермяками.

В 1978 г. мы выехали из Москвы на экспедиционной машине и очень долго ехали до места назначения (фото 47, 48). Было много преград на пути. Вспоминается многочасовая переправа на пароме через р. Вятку, во время которой мы отдохнули, разместившись около «будки» паромщиков и выставив свои носы к ласковому солнышку. Такое спокойное пребывание вскоре кончилось (фото 49, 50). Мы прибыли в Казань и решили победать, попробовав татарскую кухню. Съели азу, беляши и снова отправились в путь. По дороге случился казус: видимо, мы отравились, и нам стало по-настоящему плохо. Вынужден-

ная остановка была в лесу. Мы с трудом поставили нашу палатку и, полечившись, разместились по раскладушкам. Надвигалась ночь, мы уснули. Вероятно, плохо закрыли палатку, в нее пробрались полчища комаров, которые нас порядком искусили. Утром обнаружили, что все опухли от этих укусов.

Вообще место было колдовское, заросшее густым лесом. Увидели старую заброшенную мельницу и плотину, стоявшую на каком-то водоеме. Когда набирали воду, то из рук Т.С. Макашиной выскользнула кружка и ее быстро «засосало» в омут. А если бы там, упав, оказался человек... Настоящее место для леших и водяных. Мы посчитали, что надо убираться отсюда, а то неизвестно, что еще с нами может приключиться.

Вообще северноуральские места, где мы путешествовали, удивительные, загадочные, особенно вблизи предгорий и среди могучих лесов. У нас сохранились съемки этих мест после заката солнца: изображено ночное небо, надвигавшееся на землю (фото 51).

Дороги, по которым мы разъезжали, как и везде, были ужасны, и после них надо было долго приходить в себя и восстанавливаться. Мы размещались в кузове нашей машины, и на ухабах нас подбрасывало чуть ли не до потолка; а затем мы падали обратно на сиденья и часто сильно ушибались. Однажды наш художник заметил очередной здоровый ухаб и предупредил нас: «Берегите копчики!» (на них попадали основные удары, и надо было перед подбрасыванием на ухабе немного привстать, тогда удар смягчался). Как только он произнес свое предостережение, на пути встал столб с вывеской «д. Копчиково», что несколько сняло напряжение и даже вызвало веселье (фото 52, 56–59).

Народ в пермских деревнях, как и вообще в русских селениях, оказался расторопным, находчивым, в то же время нередко проявлявшим флегматичность и какой-то затаенный юмор, что называется «себе на уме». Не потому ли возникло прозвище «пермяк – соленые уши»? Правда, надо еще додуматься, что за этим скрывается. В памяти возникает много изречений пермяков, в которых видны их характер, поведение, образ мыслей.

Вот некоторые воспоминания о встречах с людьми в поездках 1978–1979 гг. Заехав в Соликамский район, мы остановились в деревне Рогали. Каждый из нас занимался своими темами и уходил на целый день к информаторам. Я искала старожилов-мужчин, т.к. занималась хозяйственными традициями и крестьянским землепользованием, и на вопросы по этим темам могли дать вразумительные ответы старики. Как назло, во всей округе остался в живых один дед. За ним я охотилась в течение всего нашего пребывания. Было время Петровок (а здесь Петровки – престольный праздник). Поскольку на этот период приходится пора сенокоса, то в сельмагах исчезал алкоголь, и праздновать престол было невозможно. Но люди находили выход: варили брагу и пиво на ячменном солоде, от которых было и сытно, и пьяно. Мой дед со своей бабушкой на сенокос, конечно, уже не ходили, но Петровки праздновали и каждый день были, мягко говоря, под хмельком. У нас кончалось пребывание в Рогаях, оставался один день, и я пришла снова к ним, прося прийти в нормальное состояние, чтобы побеседовать с ними. На это бабушка, покачиваясь на крыльце, держась за перильца и направив на меня указательный палец, сказала: «Вот что, приходи завтра, но тверёзая, и поговорим». Назавтра прихожу и вижу такую картину: мои старики чинно-благородно сидят за столом, прибранные, чистенькие, и ждут меня. На столе кипящий самовар и целое блюдо испеченных горячих шанежек (лепешки со сметаной). Прежде чем приступить к беседе, мы стали пить чай и есть вкусные шанежки. Затем долго говорили о разных делах и проблемах. Накануне я сказала, что если у них есть старинная одежда, то я приведу фотографа, который ее сфотографирует для музея. И вот после чая дед сказал, что есть старинная одежда, ушел за перегородку и там долго кряхтел, одевался, затем вышел оттуда. Я чуть не расхохоталась. На нем было зимнее пальто из драпа на вате с каким-то меховым воротником, образца 1940–1950-х годов – настоящий ширпотреб. Они не поняли, что нам нужна русская народная одежда, а не такие всенародные, пусть и старые, образцы.

В Рогаях мы встретили много немцев. Они были переселены с начала войны в прикамские места из Поволжской немецкой республики, из-под Саратова. Они неплохо адаптировались в новых условиях и приняли местную культуру. Здесь мы общались с Отто Юльевичем Шмидтом, не знаменитым ученым, а его полным тезкой и однофамильцем. Нам приглянулась одна миловидная девушка-немка, которая показала нам пермский народный костюм и чувствовала себя в нем очень комфортно. Мы сделали ее портрет в этом костюме (фото 53, 62). Здесь же, в Рогаях мы нашли старинный головной убор – «рогатый кокошник», который нам показала одна из бабушек. В нем и в традиционном костюме мы ее и сфотографировали.

Побывали мы и в самом Соликамске, где увидели много интересного; в том числе нам рассказали, как здесь занимались соляным делом. Мы же поразили музейщиков своим полевым способом приготовления пищи на паяльной лампе. Для этого мы рыли небольшую ямку, ставили в нее лампу, а ее пламя направляли на кастрюли или на чайник, стоявшие на краю ямки. Было не всегда удобно, т.к. пламя касалось лишь чего-нибудь одного. Тогда нам приспособили старую брошенную батарею от отопления, на решетке которой уместались все наши емкости, и пламя равномерно распределялось на них. Эту батарею мы потом возили с собой все лето.

В другой раз поразили соликамцев, когда они увидели на снимках нас, запорошенных снегом после езды на лошадях. Директор музея Д.Г. Соколкова воскликнула: «Как Вы напоминаете мне жен декабристов!». Потом нас некоторые из пермяков так и называли; завидев нас, говорили: «Декабристки приехали». Дина Геннадиевна уже не работает в музее, но до сих пор помнит нас и посылает нам приветы.

Следующая поездка в пермские места состоялась летом 1979 г. Это была последняя летняя поездка, после которой мы стали ездить только зимой. Летом было трудно продвигаться по дорогам, особенно в дождливую погоду, которая была не редкостью. Кроме того, нас «съедали» комары, и мы просто болели

от этого. К тому же, летом было трудно с продуктами. У местных жителей можно было купить только картошку. В экспедиционной машине везли крупы, сахар, подсолнечное масло, консервы, а однажды захватили с собой мешок картошки, а еще как-то ухитрились купить в Москве 100 куриных яиц, упаковали их в картонные ячейки, в которых они продавались в магазинах, перевязали веревкой и возили в таком виде в бауле. Это был один из ценных грузов.

Зимой оказалось намного проще, хотя мы ездили без машины, и надо было приноравливаться к местному транспорту. Но в эту пору все люди были на месте, не расходились по лесам, как летом, когда заготавливали на зиму дары природы. Была и еда – те же грибы, ягоды и вдоволь картошки, иногда и рыбный улов, а на колхозных фермах можно было купить мясо и молоко, правда, у нас для хождения туда не оставалось времени. Не было комаров – наших злейших врагов. Наконец, были проходимыми дороги, и можно было проехать любым транспортом, а особенно полюбившимся нам санным обозом на лошадях. Мы подсчитали, сколько проехали таким способом; оказалось, около 100 км.

В последнюю летнюю поездку мы застали еще одну трудность на дорогах – переправы через реки. Однажды довелось плыть на пароме через Каму. Подъехали к парому уже затемно, когда его рабочая смена закончилась. Нам удалось вызвать паромщиков, и они подплыли к нашему берегу. Поставили машину на паром, зашли на него и поплыли. И тут началось невообразимое – жуткая гроза с ливнем. Кругом все грохотало, сверкали молнии, дождь лил, «как из ведра», а мы на середине реки без прикрытия и в полной темноте. Паром то и дело кренился к боку, его заливало водой. С ужасом глядели мы на все это, думая, что в любой момент вместе с машиной можем соскользнуть с парома в реку. Но все кончилось удачно, как бы сказал наш спутник Г.Н. Чагин. Мы буквально выползли на берег и поехали искать ночлег. Его нашли в лесу за тем селением, к которому плыли на пароме. А гроза продолжалась. Не помню,

поставили ли мы палатку. Измученные, промокшие решили спать в машине в своих спальных мешках. Не тут-то было. Кончился дождь, но не спбля духота, и на нас обрушились комары. Закрываться от них в мешках было бесполезно из-за невыносимой духоты. Всю оставшуюся ночь мы перемогались из-за нее и боролись с комарами.

Зимние поездки мы совершали дважды в год – в начале и в конце зимы, когда морозы либо еще не начинались, либо уже спадали. Но каждый раз и в начале, и в конце зимы нас встречали морозы до 40°. Правда, здесь, в тайге, они переносятся довольно легко, т.к. нет влажности. Но иногда, конечно, мы замерзали в санях, если наш путь был длительным. Приходилось подолгу сидеть неподвижно, и мороз одолевал. Идти же рядом или следом за санями было невозможно потому, что кругом были снега, в которые наши ноги проваливались. По лесным тропочкам могли бегать скачками собаки, сопровождавшие нас, а когда они уставали, то запрыгивали к нам в сани. Если же они чуяли белку, то выскакивали из саней, бежали по сугробам к дереву, где прыгала белка, и начинали лаять на нее, а потом снова догоняли нас и прыгали в сани. Лошади, везя нас, тоже «знали свое дело и свои права». Для них в лесах существовали водопои (незамерзающие родники), и даже зимой, припорошенные снегом, они действовали. Рядом с водопоем всегда было ведро, которое надо было освободить от снега, наполнить водой и напоить лошадь. Эти умные животные всегда останавливались у таких водопоев, которых мы подчас и не видели. Они ни за что не пускались в дальнейший путь, пока им не давали напиться (фото 54).

Езда на санях требовала бдительности. Лошади иногда делали виражи на крутых поворотах, а сани, неуклюже разворачиваясь на большой скорости, выбрасывали нас в сугробы. Вместе с нами летела и вся поклажа. Однажды на таком повороте сумка с нашими экспедиционными документами и деньгами выпала у меня из рук и провалилась в сугроб, так что мы не заметили, куда она упала, а сами полетели в другой сугроб. Сумку отры-

ли, и этот груз был водворен на свое место. После такого случая, когда мы летели в очередной сугроб, я кричала: «Смотрите, куда упадет наша сумка».

Как-то мы ехали ранней весной, в марте, долгой заснеженной дорогой; выехали из леса на поляну. Кругом необозримый снег, блестящий на ярком весеннем солнце, а по нему разбросаны «заячьи петли» – следы зайцев, которые в эту пору справляли свои «свадьбы». Мало того, были слышны их крики, слившиеся в своеобразную песню с улюлюканьем. Не только опасности, но и приятные картины открывались нашему взору.

Возвращаюсь к нашей поездке 1979 г. Сначала мы остановились в районной гостинице. Нас было восемь человек (мужчины и женщины), и мы упросили администратора дать нам один номер, общий для всех, убедив ее, что мы в деревенских избах ночуем все в одном помещении. Для нас было важно, чтобы мы жили вместе, а не разбросанно по гостинице, т.к. приходилось обсуждать экспедиционные дела, делиться впечатлениями, намечать дальнейшую программу действий, питаться за одним столом и т.п. Кроме того, при нас находилось экспедиционное оборудование, которое надо было держать при себе, ибо в таких гостиницах не было никаких помещений для его хранения. Нам отвели десятиместный номер. Мы оплачивали все места, в том числе и незанятые, чтобы никого не подселили. Номер был в одном блоке с другим, по-моему, одноместным номером, между ними была небольшая прихожая. В одноместном, как нам сказали, жил то ли прокурор, то ли следователь, приехавший из области расследовать какое-то преступление. В прихожей между номерами висело на стене радио, которое любил включать на полную мощность наш сосед, так что и в нашем номере было все отчетливо слышно. У нас выработалось своеобразное общение с ним: когда кто-нибудь из нас выходил из номера, выключал радио, затем шел прокурор и снова его включал, и такое безмолвное противодействие с обеих сторон происходило в течение всего пребывания в гостинице. Друг друга мы так и не увидели (должна же быть тайна следствия, в интересах которо-

го все были инкогнито). Еще этот прокурор (или следователь?) занимался каким-то непонятным делом. До нас доходили звуки, будто в его номере катают по полу что-то металлическое, а может быть, как мы думали, он занимается гимнастикой и использует что-нибудь как тренажер. Так своеобразно он вел расследование, а может быть, работал с вещевыми уликами, пробуя их действие.

После этого мы выехали в деревни. В Пянтежском сельсовете Чердынского района примечательным оказался его центр – село Пянтег. Нас поместили в бывшей школе, и мы пошли «в разведку» узнать про информаторов, которые могли быть нам интересны. Зашли в одну избу – там на кровати лежал старый дед, он почти не вставал, но оказался очень разговорчивым. Нас рассадили на стульях возле его кровати, и мы начали беседу. Я записывала, что он говорил; правда, было не совсем удобно писать на коленях, да и тесновато. Дед, видя это, потеснился и предложил мне сесть к нему на кровать, сказав игриво: «Ты не думай, я еще о-го-го!». После этого наш разговор проходил довольно оживленно.

Помнится еще другое пермское село в Чусовском районе – Копально, где нас встречали с любопытством, охотно рассказывали о жизни и показывали много старых бытовых предметов, костюмов и т.п. Здесь мы нашли одежду, которая «пришла» в деревню из города, так называемый костюм-парочка, состоящий из юбки и кофты, который стали носить наряду с бытовавшими веками сарафанами (фото 61). Мы нашли две таких парочки – повседневную и свадебную. В них нас с Т.С. Макашиной сфотографировал наш фотограф, а во время этого сеанса рисовал художник. При таком событии присутствовали жители села, оживленно делившиеся впечатлениями от увиденного. Они расспрашивали наших хозяев о нас: «Кто же они будут промеж собой?». Имелось ввиду – не супруги ли. Хозяева отвечали, что мы не супруги, но «у них (т.е. у нас) всё в порядке – пара на пару» (одинаковое число женщин и мужчин), поэтому де местным молодцам нельзя за нами ухаживать.

В экспедициях 1978–1979 годов самым примечательным для нас местом явилась деревня Зюздино в Юрлинском районе Коми-Пермяцкого АО, где мы побывали дважды, так что нас там хорошо знали. Этот район был своеобразным анклавом, т.к. со всех сторон был окружен селениями с коми-пермяками – такой своеобразный «русский остров». О нем мы писали в своих трудах (*Власова И.В.* К изучению этнографических групп русских (юрлинцы) // Полевые исследования ИЭА РАН 1980–1981 гг. М.: Наука, 1984; 2-ое изд. в журнале: Наш край. Вып 7. Кудымкар, 1995). Нас поселили в пустовавшей школе, в которой было одно помещение – класс. Мы расставили по его периметру раскладушки, в центре стоял стол. Готовили пищу на улице, на своей паяльной лампе.

К нам приходили гости – и взрослые, и дети, – знакомились с нами, приглашая к себе. Рядом стояла изба, в которой жила семья с 10-ю детьми. Самым младшим был десятилетний мальчик, его все звали ласково Лёнчик. Мальчик был очень смышленным и любознательным. К тому же он неплохо рисовал, но беда была в том, что ему не у кого было поучиться, да и нечем и не на чем было рисовать. Наш художник взял шефство над Лёнчиком, провел с ним несколько, так сказать, мастер-классов, а в следующий наш приезд мы привезли ему альбом для рисования, карандаши и краски. Ликованию не было конца.

Лёнчик по утрам приходил нас будить. Узнав, что я – начальник отряда, он подходил к моей раскладушке и говорил: «Атаманша, пора вставать». Он провожал нас, когда мы выезжали в соседние деревни, и вообще был все время среди нас, с интересом слушая наши разговоры (фото 63). Этот мальчик был необыкновенным ребенком; впрочем, для деревенских детей не таким уж необыкновенным. Его мать, которую звали Мария, была продавцом в сельмаге. Лёнчику доверяли отвозить в район накладные и деньги за вырученный товар, а оттуда привозить новый. Он запрягал лошадь, которая везла телегу с чем-то наподобие фургончика, и ехал в район. Его ждала вся деревня, выходя на улицу и глядя, когда у околицы из-за пригорка появ-

вится голова едущей лошади Лёничка. Тут же кричали: «Лёничка едет», и все бежали к сельмагу. Мария помогала нам, чем могла: заказывала для нас хлеб в районе и сама приносила его, а по субботам мы мылись в их бане. Однажды, когда нам надо было уже возвращаться домой, Мария истопила баню и пригласила нас туда. Баня, настоящая русская парная, была хороша, но я не могла мыться (здоровье не позволяло) и устроилась в предбаннике. Мария долго уговаривала меня попариться: «Я тебя выхлещу [веником], и вся хворь уйдет». Я не соглашалась. Тогда она привела довод: «Ну, что хорошего – приедешь ты к своему мужику таким негодным вешшеством». Ничего не поделаешь, пришлось уезжать домой таким «вешшеством».

Нас опекали многие жители Зюздина. Когда мы собрались в дом, где, по их сообщению, жила колдунья, они, оберегая нас, советовали приколоть булавки на подолы юбок – это был оберег от колдовства. По соседству с нами жила еще одна женщина, кажется, Матрёна, которая любила общаться с нашими художником и фотографом, подкармливая их. Особенно ей по душе пришелся почему-то художник, звали его Николай. Когда мы приехали в Зюздино во второй раз и наутро она пришла к нам, мы еще спали в своих спальных мешках. Она заметила мешок с Николаем и прямо с порога ринулась к нему, но запнулась и упала на него, крича: «Николай, родимый, приехал!». При этом она задела висящую над нашими головами веревку, на которой болтались наши полотенца. Во всем этом они барахтались с Николаем, который не мог вылезти из мешка. Была очень смешная сцена. А вот фотографа она разлюбила. Он однажды делал съемку в ее избе. Разместились они на кухне, было тесно, и фотограф, поставив штатив с аппаратом, пытался к печке, чтобы захватить в объектив Матрёну. Но когда он чуть не залез задом в печку, она рассердилась – как он мог осквернить очаг в избе! Выругала его, и ее «любовь» к нему кончилась.

Зюздинцы решили показать нам свою свадьбу, а так как днем они работали, «играли» ее ночью. «Назначили» меня и одного из нас женихом и невестой, стали исполнять песни и

показывать обряды, а мы записывали всё на магнитофон и фотографировали. Расстались под утро, уже светало. Все вышли на крыльцо, провожая гостей, и были поражены небывалым видением. Наша школа, в которой мы жили, стояла почти с краю деревни, за ней был небольшой луг некошенной травы, пронзительно зеленой, сочной, освещаемой восходящим солнцем. По этому зеленому ковру-морю «плыл» как корабль табун лошадей; действительно плыл, т.к. трава скрывала лошадей по грудь, обвиваясь вокруг их тел, будто морские волны качали их. Возглавляла этот «караван» красивая, белой масти лошадь. Мы засмотрелись на эту картину.

Когда рассказали про эту ночь со свадьбой и лошадьми в Институте, в своем Восточнославянском секторе, то наша сотрудница С.Б. Рождественская тут же сочинила экспромт на эту тему. Вообще, она сочинила несколько стихов о наших экспедиционных былях, которые мы почему-то называли сонетами. Стихи были, конечно, не шедевры, но сочиненные молниеносно под впечатлением услышанного, они приходились к месту. Вот стих-сонет о зюздинской эпопее:

Белая лошадь, или свадьба в Зюздине

*Белой ночью в деревне свадьба,
И гудит у околицы дом,
И стояли мы в полночь с тобою
На высоком крылечке резном.*

*Солнце село, и луг зеленый
Заволакивать начал туман,
И над нами в небе лиловом
Сразу выступил звезд караван.*

*Млечный путь полосой светлой
Опоясал весь небосвод,
И казалось, что кружится плавно
Звёзд смеющихся хоровод.*

*Из тумана вдруг легкой тенью
Лошадь белая рысью пошла
И табун плавно скачущих теней
За собою к селу повела.*

*Мчались лошади ночью тихой –
То ли призраки, то ли нет.
Мы молчали: «не было б лиха»,
Если дать на сомненья ответ.*

*Лошадь белая громко заржала.
Ночи спала вокруг тишина.
Солнце вдруг на востоке встало.
Свадьба пела пьяным-пьяна...*

Через несколько дней мы вернулись в Пермь (фото 64). Приехали туда под вечер в воскресенье. Нам разрешили поставить машину во дворе музея, а сами мы разместились с раскладушками в музейном читальном зале. С дороги мы очень устали, решили «по быстрому» приготовить себе еду и отдыхать. Пока осваивали новое жилье, включили электрический чайник и телевизор, по которому шла популярная тогда юмористическая передача «Вокруг смеха». У меня была мигрень, я обвязала голову полотенцем, оставив его концы торчать по обе стороны головы, и пошла звонить директору музея, чтобы поставить в известность о нашем прибытии. Когда я нажимала пульт с телефонными кнопками, то, по-видимому, сначала нажала не ту кнопку. Это оказалась связь с отделением милиции. Не успела я окончить разговор с директором, как на пороге появились милиционеры и стали выяснять, кто мы, почему нажимали кнопку вызова милиции. Они с любопытством разглядывали нас: представляется им якобы начальник отряда московской экспедиции с повязкой на голове, которая была похожа на заячьи уши, везде расставлены раскладушки, рядом орет телевизор и кипит чайник, за столом сидят двое (наш водитель и кто-то из отряда) и играют в подкидного дурака, ожидая, когда сядем за стол. Картина не совсем достойная для столичной научной экспеди-

ции. Но мы расслабились и не ожидали, что можем быть объектом наблюдения. Ознакомившись с нашими документами и связавшись с директором, милиция удалилась.

Конец экспедиции мы решили отметить прощальным ужином в ресторане. Рядом с музеем была гостиница «Интурист». Днем мы заказали в ее ресторане столик на вечер, предупредив администратора, что здесь мы находимся в экспедиции и у нас, женщин, нет нарядов, подходящих для ресторанной обстановки, поэтому мы будем в брюках. Тогда женщинам запрещалось посещать некоторые общественные места в брючных нарядах. Нам пошли навстречу. Вечером мы прибыли в ресторан, но, к нашему удивлению, никакого столика не было, а стояли в одном огромном зале по стенам общие столы, в центре было небольшое свободное место, как оказалось, для танцев. Нас посадили с краю одного большого стола, подали меню, но предупредили, что из спиртного есть только шампанское, а из еды – селедка. Вот такой празднично-прощальный ужин был у нас – селедка с шампанским. Когда же начались танцы, один незнакомый молодой человек подошел к нам и пригласил на танец сидевшую с краю Т.А. Листову. После этого он еще несколько раз приглашал ее. У нас в экспедиции была девушка из Астрахани, которая занималась музыкальным фольклором. Она недоумевала, почему на танец приглашают только Татьяну Александровну. Она де тоже могла бы потанцевать. Но нашей «консерваторше», как мы ее называли (с консерваторским образованием), не повезло – никто не пригласил.

Поездками 1978–1979 гг. закончились летние пермские экспедиции. Далее мы ездили только зимой. В Юрлинском районе мы побывали еще раз в феврале-марте 1980 г., облюбовали там большое село Юм. Разместились в бывшем родильном доме. Он уже не функционировал, т.к. в те годы молодежь разъезжалась, рожать детей было некому. Но кое-какое оборудование в палатах роддома сохранилось. Мы разместились в них: женщины в послеродовой палате, мужчины – в смотровой. В женской палате к кроватям были прикреплены небольшие деревянные люль-

ки. В мужской стояли гинекологическое кресло и огромный старый комод, заполненный врачебными инструментами. Кроме палат, имелась большая кухня с печью-плитой, которую мы топили и варили еду, грели в ведрах воду. Здесь же у нас была и наша столовая-приемная. К нам постоянно приходили в гости местные жители. Этот «народ» был нам чрезвычайно интересен, потому что был старообрядческим. В нашей программе изучения Пермского края имелся специальный раздел с вопросами по старообрядчеству. Особенно часто заходил к нам дед Пимен, живший напротив нашего роддома. Это был колоритного вида старик с пышной седой бородой, в неизменно черной широкополой шляпе, с пытливым взглядом; да и имя его было из числа тех, что сохранились в старообрядческой среде (фото 65). Однажды он пришел к нам, войдя, как принято у них, без стука. В это время Т.А. Листова возле печки мыла голову, на ней было только нижнее белье. Она заметалась, не находя ничего, чем бы прикрыться, но дед ее успокоил. «Ничего, я не смущаюсь», – сказал он.

Был еще один старообрядец в Юме, который нам рассказал о жизни, показал предметы быта, даже объяснил, как изготавливают тканые пояса, какие на них орнаменты. Обычно об этом рассказывают мастерицы-женщины. Сам он был одет в рубаху не из домотканной материи, а из современной, разрисованной цветами. У него в избе стоял стол, покрытый клеенкой с изображением чертей (другой в сельмаге не было), а на столе стоял электрический самовар в виде ракеты, который ему подарили на юбилей как заслуженному колхознику. Вот такой парадокс: старообрядец, на нем расписная рубаха, на столе электрическая ракета, под ней клеенка с чертями (фото 66).

Со старообрядцами мы встречались во всех районах края. В большинстве своем они были одного толка – беспоповцы. Обычно такую общину возглавлял наставник (учитель), а не священник, исполнявший требы. В первые годы советской власти многих старообрядцев и их наставников высылали в Сибирь. Те, кому удавалось остаться дома, жили скрытно, тайно

молились в своих молельнях-кельях, а в наставники выбирали даже женщин, т.к. мужчин, которые могли исполнять эти функции, почти не было. В деревне Ньюзим Чердынского района мы посетили такую молельню и познакомились с наставницей Галиной, которая поведала свою историю. Ее семью сослали в Сибирь, а сама она оказалась в лагере. Потом ей удалось вернуться на родину, а ее дети остались в Сибири. Спустя десятилетия она поехала туда увидеться с детьми, но их новое знакомство и сближение не состоялось, поэтому она говорила: «Ездил к моим бывшим детям». В этих краях была известна еще одна наставница – Текуса, жизнь которой была не легче, чем у Галины (фото 67).

В октябре-ноябре 1980 г. мы поехали в другие места Чердынского района (фото 68, 77, 78). Нашей «резиденцией» стала деревня Усть-Уролка. Там нас приютила баба Варя (Варвара Михайловна Сторожева), которая одиноко жила в своей избушке. В деревне обитала одна из ветвей староверов-беспоповцев – красноверы. Доподлинно разузнать, чем они в вероисповедальном отношении отличались от других беспоповцев, нам не удалось, слишком скрытными они были. Но на наши вопросы о бытовой стороне жизни они отвечали охотно. Знаменательно, что местным начальником – председателем сельсовета – был один из староверов, довольно молодой человек, который помог нам и с жильем, и с организацией работы, и допустил ознакомиться с похозяйственными книгами, которые для нас являлись ценным источником для изучения состава местного населения. Он жил с матерью. С ней мы познакомились с целью выяснения вопросов семьи и семейных отношений у этих староверов. Оказалось, их семьи, если так их можно было назвать, принадлежали к толку беспоповцев-безбрачников, отрицавших брак. Они не венчались, а в советское время не регистрировали браки, жили в сожительстве. Их браки были легко расторгимы, и после них могли сходиться с другими партнерами. Детей, рожденных вне таких «браков», называли не всегда «приличными» названиями. Про себя эта женщина говорила, что она незамуж-

няя, «дева», а когда мы спросили: «Как же дева, если у Вас есть сын?», она тут же ответила: «А он у меня выб...». Для них такие отношения были нормой, установкой, о чем они говорили, не смущаясь, спокойно.

Во время нашего пребывания жителями деревни были не только раскольники, но и «мирские», и было много смешанных семей; все они были записаны в похозяйственных книгах, и статус их сожительства отмечался в них. Такой синтез в составе населения начал появляться уже во второй половине XIX в., когда правительственная политика в отношении старообрядцев была направлена на включение их в единоверие с остальным православным населением. Старообрядцы этой деревни были приписаны к единоверческой церкви, но еще многое оставалось от старых безбрачных отношений.

Как-то мы с И.А. Кремлёвой, специально занимавшейся старообрядцами, пошли в один красноверческий дом. Он стоял на краю деревни, на отшибе. Когда мы подходили к нему, то на нас кинулись, грозно рыча, большие собаки-лайки. Отступить было некуда, мы вжались в сугробы, которые были по обе стороны ведущей к этому дому тропки и ждали спасения. Из дома вышла хозяйка, отогнала собак и впустила в избу. Разговаривала о вере она неохотно, да и вид ее был нелюдимый, но, тем не менее, угостила нас чаем и дала нам с собой квашеной капусты, из которой мы сварили в русской печке великолепные щи с нашими мясными консервами.

Еще мы наблюдали здесь старообрядческие похороны: по деревне шло шествие, впереди несли огромный деревянный крест. Расспросить в это время про похороны нам не удалось, но наш фотограф снял их на пленку.

Очень непосредственно вели себя дети. Они ничем не отличались от деревенских детей в других местах – смывленные и самостоятельные. Мы любовались ими и их играми на заснеженных улицах. В сугробах они рыли целые лабиринты, ныряли в какой-нибудь ход, выныривали из другого и очень веселились при этом. В их играх участвовали и деревенские собаки,

тоже ныряя в эти ходы (фото 70). Как-то мы шли по улице, где дети играли в своих лабиринтах. Одна маленькая девчушка нырнула и оказалась в центре высоченного сугроба, откуда торчала ее голова. Сама выбраться оттуда она не смогла, поэтому закричала мальчику: «Ну-ко, Ванька, вынь-ко меня». Ванька вместе со псом вызволял ее из этого плена.

Вернусь к нашей бабе Варе, у которой мы жили довольно уютно. На ночь некоторые из нас размещались на широкой кровати, другие – на полатах, а еще на лавках, что стояли по стенам избы (фото 55). Одно было плохо: в избе водились тараканы и клопы, которые забирались и в нашу одежду, и в постели. Мы решили вывести насекомых. Купили в сельмаге средство против них. Опрыснули им всю избу, раскрыли двери на улицу, хотя была зима (тараканы от мороза гибнут), посадили бабу Варю, укутанную во все теплое, на крыльцо и ушли часа на два поработать. Баба Варя мужественно вынесла эту экзекуцию. Правда, ее поддерживал один житель деревни – дед Зотий, красивый старообрядец. Они мирно беседовали на крыльце. Зотей (имя, опять-таки распространенное в старообрядчестве) заприметил наше появление в деревне, когда мы приехали сюда. Он говорил бабе Варе: «Гляжу, идут какие-то незнакомые люди, у каждого котомка на спине», – а она рассказывала ему о нас. Мы вызволили нашу бабу Варю, пошли все в избу, затопили печь, надо было хорошо прогреть вымерзшее жилье. А вредители-насекомые после этой операции исчезли.

Наша хозяйка многим восхищала и поражала нас. Она решила угостить нас пельменями. Был пост, поэтому пельмени начинила не мясом, а грибами с луком, и готовила их в русской печке. Мы приходим с работы, она достает из печи большой чугунок с пельменями, по всей избе разносится «лесной дух». К пельменям она подала моченые лесные ягоды в сиропе и сказала, что есть их надо, поливая сиропом. Это было невероятно вкусно. Весь процесс изготовления пельменей заснял наш фотограф С. Иванов, потом это фото мы отослали бабе Варе, но она, к сожалению, в скором времени умерла и, вероятно, не ви-

дела эти снимки. Пельмени были необыкновенной формы: они напоминали ушную раковину с ее извилинами. Бабушка пояснила, что они делаются как ухо медведя (с языка коми *пельмени* – медвежьи уши, *пеля* – медведь). Рисунок с извилинами был выполнен на тесте удивительно виртуозно, даже с изяществом.

Мы старались помочь ей по хозяйству. Наши ребята носили дрова и из речной проруби воду. В кухне около печи стояла огромная бочка, которую наполняли этой водой. Однажды баба Варя сказала Сергею: «Ты носишь, носишь воду, а они (имелись в виду женщины) тратят ее, всё моются и моются», – на что он ответил: «Это ничего, я люблю чистых». В другой раз она поручила нам напоить овец, а ей надо было куда-то отлучиться, и просила следить за одной овцой, которая вот-вот должна была принести ягнят. Мы с трепетом выполнили ее наказ.

Баба Варя владела еще одним искусством – она была костоправом, и вся деревенская округа слеталась к ней, чтобы лечить разные травмы. У меня в то время тоже была травма. Перед поездкой я была на своей даче и там разнимала дерущихся псов. Когда из пасти моей собаки показалась кровь, я не выдержала и так размахнулась, чтобы отогнать чужого пса, что повредила плечо. Оно болело, но я поехала в экспедицию. Было больно носить рюкзак, и я попросила бабу Варю полечить мое плечо. Она только легонько притронулась к нему и сразу сказала: «Да, у тебя тут всё сорвано». Порвались связки, а это плечо у меня уже дважды было вывихнуто, и его вправляли. Бабушка спросила, как я повредила его. Я сказала, что разнимала дерущихся псов. Тогда она выговорила мне: «Ну, ума-то у тебя синенько, а если бы они набросились на тебя, что тогда?». Пока мы жили у нее, она поправила мне плечо, делая массаж.

Самым удивительным и трогательным было в нашей бабушке то, как самоотверженно и безропотно она соглашалась работать с нами глубокими вечерами, участвуя в наших своеобразных «фотосессиях» (фото 69, 71). Пока мы ужинали, убирали помещение, готовя его к съемкам, бабушка, ожидая, ложилась

на свою кровать вздремнуть. Мы подходили к ней и говорили: «Баба Варя, надо немного поработать». Она мгновенно скидывала свои ножки в валеночках, вставала и шла к нам, доставала все свои наряды – повседневные, праздничные и моленные (старообрядческие), надевала их или наряжала в них нас, и фотограф подолгу все снимал (фото 72). Иногда мы делали некоторые инсценировки, например, просили ее показать, как молятся старообрядцы, как используют при этом разные атрибуты (коврик, четки, лестовку), каков моленный костюм и как необычно, своим способом, они повязывают большие моленные платки на голову.

Иногда по вечерам мы занимались чтением книг вслух. Книжки покупали в магазинах районных центров, возили их с собой в рюкзаках. Читали нередко на разные голоса; особенно, если это была драматургия, т.е. распределяли роли. Однажды мы читали шекспировских «Ромео и Джульетту». Дошли до сцены, когда Джульетта вышла на балкон, произнося свой монолог, а внизу ее слушал и томился Ромео. Вдруг откуда-то с печки явилась и медленно пошла по *грядке* (перекладина над перегородкой между кухней и комнатой) кошка бабы Вари, остановилась, свесила на нас голову и стала слушать. Она напомнила нам Джульетту на балконе, которая внимала словам Ромео. После этого мы дали ей кличку Джульетка. Она была белой масти, но «замурзанного» вида, т.к. всегда валялась на печке или на шестке, поэтому была запачкана сажей. К тому же у нее были отморожены ушки, вместо них торчали небольшие «кусочки», оставшиеся от них. Джульетка проводила с нами время за этим занятием.

В 1981 г. мы ездили еще в один пермский район – Ильинский. Отправились туда поездом, с которого должны были пересест на автобус. Нас сопровождал Г.Н. Чагин, откомандированный от своего университета. Он опаздывал, мы уже были в вагоне и, волнуясь, ждали его. Поезд тронулся, и мы гадали, не случилось ли что с ним, как дальше нам быть, где его встретить. Вдруг в вагоне появляется наш Георгий Николаевич, под-

саживается к нам и потирает голову. «Всё очень удачно кончилось, – сказал он. – Я опаздывал, но успел заскочить в какой-то вагон. Правда, на рельсах упал, стукнулся головой, но всё в порядке». На автобус мы не попали, т.к. было очень много народу, мы с нашими рюкзаками туда не втиснулись. Пришлось ждать следующего автобусного рейса, он был часа через два. Чтобы не замерзнуть, решили зайти на почту, которая находилась тут же, на станции. У работников почты был обеденный перерыв, они приютили нас и закрыли почту для посетителей. Согрели нам чайник, мы вынули из рюкзаков нашу нехитрую провизию и перекусили. Пришел автобус, и мы благополучно добрались до Ильинского.

В Ильинском прежде находилась вотчина Строгановых. Музей в селе располагался в их вотчинном управлении, в большом особняке. Нас встретили сотрудники музея и сразу устроили нам прием-обед, поскольку мы приехали после длительного пути по морозу. Принимали нас в помещении, где размещалась казна Строгановых (фото 73). Был накрыт стол. Из русской печки (такое отопление было во всем особняке) достали большой чугун, в котором сварили уху из хариусов. Их наловили местные рыбаки. Вкуснее этой ухи мы ничего не встречали. Из напитков присутствовало только шампанское, т.к. ничего другого в местных торговых точках не было. Мы не могли предположить, что когда-нибудь у нас на обед будут уха из хариусов, шампанское и шоколад к чаю. Правда, в наших рюкзаках был горячительный напиток – спирт, выданный нам в экспедицию, который мы разбавляли водой и употребляли для согревания после долгого холодного пути.

Опекал нас в Ильинском уже упомянутый мной ученик Г.Н. Чагина Олег Кутьев, уроженец этого села. Он помог разместиться в гостинице, где каждому из нас отвели по номеру-люксу. Такой люкс состоял из двух комнат – спальни и рабочего кабинета. Их устроили для партийного и прочего начальства, приезжающего сюда в командировку. Нам не повезло с погодой, т.к. накануне были жестокие морозы, в гостинице замерзли

трубы коммуникаций, и в номерах было очень холодно – ни отопления, ни воды. Нам выдали по несколько одеял, грели воду, принесенную с реки, на электроплитке. Хорошо, что электричество не отключили. Чтобы как-то сгладить неприятности от такого жилья, Олег обеспечил «доставку» информаторов прямо в гостиницу. Он провел в селе разъяснительную работу и просил сельчан приходить к нам. С таким «удобством» мы еще никогда не работали. С О. Кутьевым мы встречались и позже, работая в Перми в архивах и в Москве в Государственном Историческом музее, куда Пермский музей привез выставку народного быта и студенческий фольклорный ансамбль. Последним руководил тогда еще аспирант, а ныне доктор исторических наук А.Н. Черных, успешно занимающийся этнографией Пермского края.

Кроме самого Ильинского, мы посетили и несколько деревень. В одной из них – Комарихе – поселились в двухэтажной избе у хозяйки, которую звали Анфиса. Мы жили наверху, в белой горнице, хозяева внизу. Наше помещение представляло собой большую комнату, разделенную на две половины печкой-голландкой. Женщинам постелили матрасы возле печки, там было теплее. Вместе с нами спали хозяйские кот и кошка (фото 74). Они, не обращая внимания на нас, любили играть в свои игры: бегали друг за другом вокруг печки; один из них мог изменять свое направление и выбегал навстречу другому из-за печки. Так развлекаться они могли подолгу.

Еще в избе находился маленький поросенок, которого из-за морозов держали в доме, пока немного не подрастет. Этот поросенок умудрялся проникать и к нам наверх, его приходилось ловить, а внизу он бегал совершенно свободно. Однажды утром мы услышали людские крики и визг этого «малютки». Он пристроился в кровать к хозяйскому сыну и, проснувшись, стал бегать по нему, убегая от него и визжа. Впрочем, визжали, похожему, они оба.

В головах у постелей, где мы спали, стояла тумбочка с телевизором. Такое, тогда еще редкое для деревни устройство нахо-

дилось в женском помещении. По вечерам транслировали чемпионат по фигурному катанию. Хозяйка присоединялась к нам после своих трудов праведных и смотрела катание. Мы, по мере наших знаний об этом мероприятии и о фигуристах, рассказывали ей, что было нам известно.

Хозяева расспросили нас о работе, о нашей жизни в Москве. Утром, уходя к информаторам, мы сказали Анфисе: «Мы пойдем поработаем». На что она отвечала: «Сходите, девушки, погуляйте». Такое представление у нее составилось о нашей работе.

Поскольку наши экспедиции каждый год начинались с марта, то мы праздновали 8 марта. И в этот приезд праздник застал нас в Комарихе. Прошел слух, что в сельмаг к празднику привезли какие-то «вкусности». Вся деревня направилась туда, а мы послали нашего фотографа С. Иванова, сами же готовили праздничный обед. Приходит из магазина Сергей и говорит: «Ну, девушки, с Вами стыда не оберешься. Стою в очереди. Сельчанки рассказывают, что тут ходят какие-то приезжие женщины и спрашивают, куда девать послед, и делятся друг с другом тем, что каждая отвечала на это». Дело в том, что Т.А. Листова, занимаясь материнством и детством, выясняла обычаи, связанные с рождением детей: как здесь поступают с послеродовым последом, что с ним делают по местным обычаям. А жительницы Комарихи решили, что мы приехали с последом, ходим по домам и спрашиваем, куда его девать. Сергей с трудом выстоял эту очередь, старался, чтобы его не опознали, купил нам конфеты и побежал в избу. Несмотря на все казусы, в Ильинском и в соседних деревнях мы собрали очень интересный материал.

В полевой сезон 1982 г. мы решили продвигаться на самый север Прикамья, к р. Колве, чтобы изучить старожильческое русское население. Путь через Пермь – Чердынь – Ныроб и далее мы преодолевали самолетами. Этот маршрут был согласован еще в Москве с куратором нашей полевой работы, сотрудником отдела В.А. Александровым. Мы договорились, что будем сообщать, как продвигаемся, где находимся в тот или иной

момент. Первый наш рейс совершался из пермского аэропорта. Ожидая посадки, дали телеграмму Вадиму Александровичу, в которой писали: «Летим Ледовитый океан...» (сообщали о северном маршруте) и далее остальной текст. Телеграфистка посмотрела на меня, когда я подала ей телеграмму, с большим удивлением, т.к. не могла понять, причем тут Ледовитый океан, ведь таких рейсов у них нет. Но мы оставили ее в полном неведении. А В.А. Александров, получив телеграмму, оценил наши рвение и юмор. Он знал, что мы готовы лететь даже туда. Эта телеграмма сохранилась у него в домашнем архиве, и мы обнаружили ее, когда спустя какое-то время публиковали его мемуары.

Самолетных рейсов у нас было несколько, т.к. и в этот год, как обычно, выезжали в марте и в ноябре. Иногда нам приходилось залетать в очень глухие места – бывшие староверческие скиты и другие селения, оказывавшиеся в зоне расселения ссыльных или поблизости от колоний, где содержались уголовники и даже смертники. Туда обычный транспорт для пассажиров не ходил, и нас неоднократно выручало лагерное начальство, предоставляя нам свой транспорт или вызывая по радиации какой-либо пролетающий мимо самолет, обычно почтовый.

Однажды мы прилетели в такой лагерь, было уже поздно, и нам надо было где-то переночевать. Нас оставили в этом лагере, освободив одну комнату. Мы расположились в ней, нас заперли, предупредив, чтобы мы никуда не выходили, особенно ночью, пока нас не вызволят; при этом предоставили нам необходимый комфорт. Наутро открыли дверь и предложили пойти в столовую, т.к. нас ждал долгий путь, и надо было подкормиться. По дороге нас настиг целый отряд заключенных под конвоем, которых вели в ту же столовую. Надо сказать, что впечатление от этого, особенно от вида заключенных с их угрюмыми лицами, а у некоторых – с нечеловеческим выражением лица, было почти шокирующим. Нас кормили в одном зале с ними; правда, в небольшом его отсеке, где, по-видимому, питались и охранники.

Вообще в лагерных столовых нам пришлось питаться неоднократно, пока мы летали в разных направлениях. В одной такой столовой кормили обедом, предназначенным для персонала. Обслуживающая нас дама считала, сколько надо заплатить за обед, перечисляя каждое съеденное блюдо, повторяя, что к нему был гарнир – рис, называя его «рыс», и откладывала на счетах стоимость этого «рыса». Может быть, он был самым ценным угощением в этой столовой?

Возвращались из поездок мы такими же самолетами, и в одном месте ждали вызванный для нас транспорт вместе с обслуживающей этот «аэропорт» работницей. Было очень холодно, мы замерзли, пока добирались сюда. На наше счастье помещение было протоплено, и мы грели свои озябшие в несовершенной обуви ноги, просовывая их в дверцу печки. У нас есть фото, на котором изображено, как мы сидим у печки, засунув в нее ноги. К нам иногда присоединялись в ожидании самолета местные жители и сотрудники лагеря. Один раз мы решили скоротать время за чтением книги, которая была у нас с собой. Ею оказались рассказы М.М. Зощенко. Мы стали читать вслух, и вся «аудитория» заслушалась, благодаря нас за такое времяпрепровождение.

Дама, обслуживающая этот пост и оформлявшая билеты, узнав, что мы из Москвы, попросила нас купить купальник и прислать его сюда. Здесь таких вещей не купишь, а ей предстоит летом отпуск, и они с мужем, тоже работником лагеря, собирались на юг. Мы согласились, но размера своего она не знала, а надо сказать, что она была невероятных габаритов. Тогда решили сами определить ее размер. Нашли веревочки, которыми перевязывают посылки, измерили ей грудь, талию, бедра, отрезав от мотка кусочки веревок, и к каждому прикрепили бумажку, на которой был написан соответствующий размер. По этим кусочкам Т.С. Макашина купила в универмаге купальник, причем продавцы веселились (таких покупателей еще не видели) и переводили на сантиметр длину каждой веревочки. Купальник благополучно долетел до места назначения, дама была доволь-

на, т.к. он пришелся ей в пору, и она в нем купалась. Об этом она поведала нам в следующий наш приезд.

Нам понравилось, как в этих своеобразных маленьких аэропортах называют место, где собирают пассажиров перед полетом – «накопители». Сколько же таких накопителей мы прошли! У нас есть фото, на котором видно, как мы идем в такой накопитель по занесенной снегом узкой тропочке, один за другим в линию. Снят вид наших спин, и на каждой спине – по рюкзаку (фото 75, 76). А как-то с нами летели пассажиры, и одна бабушка везла с собой козу, которую надо было куда-то переправить. Сначала ее не хотели брать, но потом согласились, т.к. другим способом эту «операцию» невозможно совершить. Бабушка всех уверяла, что ее коза «заштрахована» (была страховка на нее).

Летали в основном почтовыми самолетами, не приспособленными для пассажиров. Весь корпус такого самолета был металлический, без внутренней обшивки; сиденья-полки вдоль бортов и пол тоже были из металла. В наши зимние перелеты, когда за бортом было очень холодно, мы садились на сиденья, ставили рюкзаки на пол, на них клали ноги, чтобы они не примерзли к полу. В таких трудных условиях приходилось нам работать.

Затем в 1982 г. наш путь лежал в селения по Колве (фото 77–79). Помню, как ехали на лошадях, дорога была долгая и, как всегда, мороз был больше 30°. Я простудилась, страшно болело горло, поднялась температура, и было тяжело переносить такую дорогу. Нас по дороге догнал «газик», в котором ехало какое-то начальство. Мне предложили пересесть в машину, а остальные должны были подъехать на лошадях позже. Прибыв в Черепаново, я разыскала председателя сельсовета, очень отзывчивую женщину, которая пошла домой обедать, пригласив и меня. Она отдала распоряжение, чтобы для нас приготовили «заезжую избу», протопив ее. Когда приехали остальные, наш «постоялый двор» уже был протоплен, мы быстро приготовили еду и легли отдыхать, сдвинув наши кровати к печке, к самому теп-

лому месту. Я мало работала в Черепанове, т.к. лечилась от болезни, которая завершилась жутким затяжным кашлем. Остальные мирно трудились. К нам приходили в гости местные жители. Однажды вечером зашла учительница с мужем, мы устроили ужин «со знакомством», вели беседу о жизни и даже пели душевные песни. Такое общение всегда было приятным и полезным.

В упомянутом 1982 г. мы посетили большую деревню Тулпан на Колве. Перед этой поездкой я рассказывала дома, что в лесу можно было встретиться с волками. Мой супруг решил нас обезопасить. Его воображению предстала картина: наша лошадь, везя нас по таежной заснеженной дороге, могла покалечиться (например, сломать ногу), а вынужденная остановка в лесу могла кончиться встречей с волками. Он навязывал нам в дорогу свое охотничье складное ружье, которое умещалось в рюкзаке, и вынудил С.С. Савоскула забрать его. Ружье ни разу нигде не обнаружили – ни в аэропортах, ни на железной дороге, – но и нам не пришлось пользоваться им. Бедный Сергей Сергеевич таскал его всю экспедицию.

Тулпан был транзитным пунктом на дорогах, ведущих сюда из разных мест. Деревня, как нам показалось, была мрачноватого вида и располагалась среди заснеженной холмистой местности. У нас есть акварель пермского художника А.Н. Тумбасова, позднее ездившего с нами, на которой изображен Тулпан и висевшие над ним темные тучи.

В какой-то день мы сидели в сельсовете, работая с похозяйственными книгами, и вдруг неожиданно появилась милиция. Мелькнула мысль, не по нашу ли душу, т.к. нас везде принимали за чужаков, неизвестно зачем приехавших, то есть проявляли бдительность. Оказалось, что мы тут ни при чем, а искали сбежавшего заключенного. Устроили облаву в селе, а вечером, когда в клубе (бывшей церкви) начались танцы, нагрянули и туда, к тому же там началась драка, окончившаяся смертоубийством.

Из старожилов деревни запомнился один дед, который «терзал» нас всевозможными вопросами, особенно на религиозные

темы. Сначала к нему пришла Т.С. Макашина. Он встретил ее, лежа на кровати на деревянном кресте, раскинув по его перекладинам руки, будто распятый. Он спрашивал: «Скажи точно, когда родился Иисус Христос?»; «Если я выйду на крыльцо и погляжу так (ставил ладонь козырьком ко лбу), то я увижу гору Арарат?»; говоря о Марии Магдалине, называл ее «Марией Мандолиной».

В этой деревне существовала гостиница, если ее так можно было назвать: простая изба, где в грязных комнатах стояли кровати, а на них лежали сомнительной чистоты матрасы. В ней останавливались водители машин, перевозившие тяжелые грузы (дальнобойщики). Гостиница функционировала, только если случались такие путешественники. Мы оказались там, когда не было постояльцев. Дело было к ночи, нас отвели туда, пришлось топить печь, т.к. все промерзло. Нам было не привыкать к такой обстановке, и мы справились с этими трудностями. Улеглись спать. Среди ночи раздался громкий стук в дверь. Приехали дальнобойщики и требовали впустить их. Г.Н. Чагин пошел в сени и открыл им дверь. Они стали рваться в нашу комнату, хотя в доме были еще пустые помещения. Георгий Николаевич мужественно защищал грудью нашу дверь, говоря: «Туда нельзя, там женщины», на что они отвечали: «Дак, это же хорошо, пусти нас к женщинам». Но все-таки он отстоял наше убежище и не впустил их к нам.

Сюрприз ждал нас еще севернее. Мы достигли самой крайней точки на Колве. Это был бывший скит старообрядцев Дий (фото 80–84). Основателем его был некий Дий, вероучитель. Когда-то здесь жило много раскольников-скрытников, но постепенно их число уменьшилось. Скит стоял в глухом месте, за много десятков километров от других селений. Ехали мы туда долго обозом из трех лошадей. По пути нас замело снегом, мы сильно замерзли. Вдруг одна из лошадей заржала, на что Г.Н. Чагин заметил: «Скоро приедем. Она чувствует – там у нее жених». И действительно, лес расступился, мы выехали на большую поляну, на противоположной стороне которой стоял наш

скит. Из изб высыпали люди, закутанные в свои одежды, и смотрели, как из леса выезжают лошади, а в санях какие-то чуваки. Такую картину они наблюдали не часто. Лошади подвезли нас к ним и остановились. Мы с трудом вылезли из саней и настолько замерзли, что сначала не могли вымолвить ни слова. Была немая сцена. Наконец, несколько придя в себя, мы объяснили им, кто мы и зачем приехали. Они пригласили нас в избу. На наше счастье была суббота, и у них топилась баня, они пустили нас туда, чтобы мы отошли от мороза. После бани все сели за стол, нас уже ждал кипящий самовар. Стали знакомиться с хозяевами, вернее, с жителями этой деревни. Их оказалось всего восемь человек, и нас было тоже восемь. Народонаселение бывшего скита сразу увеличилось вдвое. Позднее мы сфотографировались все вместе.

Еще у них, как они рассказали, жил медвежонок, которого они подобрали в лесу, а медведица погибла. Они вырастили его и отправили вертолетом в город.

Из всего населения здесь остались в основном старушки, из них три сестры жили каждая в своей избе, а их мужья умерли. Избы были маленькие, нам пришлось делиться: женщины жили у бабки Агапки, мужчины – у ее сестры Матрёны. Питались все в одной женской избе. Скит раньше состоял из раскольников-бегунов (скрытников), самого крайнего толка старообрядчества. У них был обычай принимать крещение перед смертью, и при этом они получали новое имя, с которым и умирали, а жизнь проживали с именем, полученным при рождении. Новое имя «освобождало» их от жизненных грехов. Одна старушка рассказала, что недавно умер ее муж. Почувствовав смерть, он покрестился и ушел в лес, т.к. принято было умирать не на глазах других, а в людях жить с новым именем уже нельзя. Заранее в лесу он приготовил себе место и удалился туда. После этого его никто не видел и даже не знал, умер ли он и если умер, то когда. Долго искали его убежище, но найти не могли. По ночам, как говорила бабушка, он приходил в их избу, отчего она не могла успокоиться.

В нашей женской избе стояло две кровати, на которых мы спали по двое, а хозяйка залезала на печь. На стене висели часы-кукушка, которые были очень старые, они громко тикали на всю избу. Кукушка выскакивала каждые 15 мин и с громким хрипом начинала куковать. Такое было невозможно вынести, особенно ночью. Когда бабушка засыпала на своей печке, мы поднимались и останавливали часы. Бабушка же, во сне почувствовав тишину и думая, что часы остановились сами, слезала с печи и вновь запускала ходики. Кукушка принималась орать на всю избу, и бабушка спокойно засыпала. Потом повторялось все снова: мы часы останавливали, она заводила вновь. Но с этим неудобством мы справились, уговорив ее, что кукушка мешает нам спать, а часы у нас у всех есть, и мы скажем ей, сколько времени.

Диевцы привыкли жить в отдалении от людских мест, не стремились выходить за пределы скита, но любили, когда к ним кто-либо попадал. До ближайших деревень были десятки километров, в том числе на большом удалении находился сельсовет, куда они не имели желания приезжать, говоря: «У нас тут нет советской власти». В этом проявлялся менталитет староверов-скрытников, которые и в XIX в. не признавали никакую власть. Их также старались не беспокоить лишним появлением. Раз в год к ним прилетал вертолет, привозил керосин для освещения (электричества не было), спички и все самое необходимое, что не производилось в своем хозяйстве. Жили они только этим хозяйством, что-то сеяли, сажали, занимались также рыбной ловлей, охотой и сбором диких растений. Они обеспечили наших мужчин своими охотничьими лыжами с короткими, но широкими полозьями, чтобы они могли передвигаться по заснеженной округе (фото 86). Мы же, женщины, передвигались только перебежками от избы к избе по узкой протоптанной дорожке. В ските из общего колхозного хозяйства (они формально были в колхозе) находилась конюшня, где содержались лошади, на которых к ним приезжал кто-либо, или они сами по необходимости ездили за пределы скита.

Время нашей работы здесь пришло к концу, и мы опять двинулись на лошадях тем же путем в Чердынь, вернее, до очередного самолетного накопителя, откуда попадали в Чердынь. Все эти северные места находились в Чердынском районе. Сама Чердынь – старинный русский город с купеческими строениями, храмами и великолепным музеем, в котором мы работали с вещевыми коллекциями и в рукописном отделе. Мы так там заработались, что уехали, забыв отметить свои командировки, да и директор музея на тот момент был в отъезде. Нас выручили жители Чердыни – родители одной из сотрудниц Пермского музея. Ей мы оставили командировки, она переслала их в Чердынь родителям, а те уже выслали их с отметками музея нам в Москву.

Последняя наша полевая поездка в Северное Приуралье состоялась в 1983 г. Мы направились в русские селения, находившиеся среди коми-зырян в Троицко-Печорском районе республики Коми. После этой поездки мы еще ездили в Пермь до конца 1980-х гг. и работали в Пермском областном архиве и областной библиотеке, разыскивая исторические и этнографические сведения в дополнение к нашим полевым материалам, которые все вместе составили основу монографического описания Пермской земли. В одно из таких посещений нам удалось вырваться в Кунгур и сходить в знаменитые пещеры. Это удивительное зрелище – огромные залы со сталактитами, с красивой подсветкой, с катакомбами и пещерными водоемами-озерами. Теперь там организованы туристические экскурсии всероссийского масштаба.

Из Москвы мы выехали на поезде в Коми, добрались до Ухты, где нужно было пересест на местный транспорт. Поезд в Ухту пришел ночью, до города было далеко, да и автобусы туда уже не ходили. Мы направились в железнодорожное депо, зная, что там всегда есть комнаты отдыха для машинистов. Нас пустили туда. Благополучно переночевав, наутро поехали дальше, в Троицко-Печорск. Этот район находился на границе с Пермской областью; но из Перми в свое время мы туда попасть не

могли, т.к. через водораздел Печоры и Камы ничего не ездило. К тому же Пермская область и Коми АССР были разными административными единицами, и местный транспорт ходил внутри них, не выходя за границы. Пермяки, когда мы у них работали, рассказывали, что когда им надо было поехать в Коми, они разыскивали вертолетчиков (связь вертолетами существовала, но она была нерегулярная и не для пассажиров). «Подходишь к вертолету («вертихвосту» – по-местному), – говорили они. – Дашь ему две куницы, и он возьмет тебя. Обратное едешь – опять дашь ему две куницы». Выделанные шкурки куниц часто выполняли функции денег не только для полета в вертолете, но и по разным другим надобностям. Так как у нас не было куниц, мы предприняли обходной путь в Коми край.

Разъезжая по республике и заходя к разному начальству, чтобы отметить командировки и попросить помощи перебраться в то или иное место, мы были удивлены – во всех кабинетах сидели мужчины с внешностью южан, с черными усами, очень похожие на сотрудника нашего Института М.Н. Губогло. (Да, простит он мне такое сравнение!) Оказалось, тогда в Коми было очень много мигрантов из Молдавии, которые ехали сюда работать. Заходя в очередной кабинет и видя такого человека, мы невольно отмечали: опять видели Губогло; хотя Михаил Николаевич не молдаванин, а гагауз, но внешнее сходство было разительное.

Мы выбрали одну из деревень в Троицко-Печорском районе – Курью, из которой намеревались продвигаться по округе. С таким продвижением ничего не получилось, т.к. не было дорог. Хотя мы приехали туда в наше любимое зимнее время, но погода здесь действовала по своему усмотрению. Был ноябрь, на Севере в эту пору все реки покрывались льдом, и по ним можно было ходить и ездить. Но не тут-то было. Наша река, а это были верховья Печоры, спускавшейся с Уральских гор, в этом месте имела сильное течение, не дававшее ей замерзнуть. Все окрестные деревни, куда нам надо было добраться, находились на противоположном берегу, и путь к ним был закрыт. Мы

вынуждены были сидеть почти месяц в Курье, но это не обернулось ущербом для нашей работы. Занятий для нас здесь было вдоволь.

Хотя река не замерзла, деревня была скованна льдом и утопала в огромных сугробах. Ранними утрами можно было видеть такую картину: во всех избах топили печи, и при безветрии дым из печных труб поднимался вверх, к небу. У нас есть фото: заснеженная деревня, и из всех труб, как стрелы, вздымается вверх дым (фото 85). По деревне продвигались по узким тропочкам между сугробами. Было очень забавно, когда, идя по такой тропочке, чувствуешь, что по соседней с ней кто-то двигается. Человека не было видно; в лучшем случае, будто чья-то шапка плыла над снегами.

Местный рабочий сельмага по имени Вася носил с фермы молоко в бидонах. Он ставил такой бидон себе на голову, пускался в путь по тропкам-сугробам, но его было не видно, а над сугробами плыл один бидон (жонглер или эквилибрист на снегу этот Вася, да и только!). Поселили нас в конторе колхозной бригады (вся деревня была одна бригада) (фото 60). Управлял хозяйством бригадир, которого звали тоже Василием. Связь с центром колхоза и другими бригадами осуществлялась по рации. Василий приходил в контору в 6 часов утра, а наши спальные места были тут же, в конторе, возле его рации. Он начинал переговоры над нашими спящими головами, поэтому нам приходилось вставать. В это же время появлялась и уборщица, которая начинала топить печь. Она с грохотом бросала дрова возле печки, так что мы невольно просыпались. Она топила печь, мы варили кашу на завтрак, и день начинался. Все удобства в этой конторе были во дворе. Ходить туда надо было по узкой тропке среди сугробов, да и пребывание там в морозы было не из приятных. К тому же можно было наткнуться на кого-либо – особенно не разойдешься. Однажды С.С. Савоскул пошел было в том направлении, вышел на крыльцо, огляделся вокруг, было темно. «Тьма египетская», – сказал он, и ушел обратно. Эта тьма нас донимала. Здесь уже было почти Заполярье. Рассвета-

ло только к 12 часов дня, а через два часа снова темнело. Света катастрофически не хватало, и мы чувствовали себя не совсем в форме. После связи с бригадами наш Василий уходил на весь день, мы убирали свои раскладушки, устраивали стол, за которым трапезничали и работали, а к ночи опять расставляли раскладушки.

Мы познакомились с заведующим клубом, с очередным Васей, он же был и библиотекарем, и киномехаником, и истопником в клубе. Вася пригласил нас на просмотр фильма, за которым должен был поехать в центр. К вечеру он обещал протопить клуб, который стоял нетопленный, т.к. туда некому было ходить – молодежи в деревне почти не было. Вечером мы пошли в кино. Двери клуба были не заперты. В центре помещения была печь, в которой ярко горели дрова. Возле печи, прямо у ее дверцы, на полу мирно спал Вася. Рядом же находились стеллажи с книгами, что было очень опасно, т.к. искры могли попасть в книги. Ничего не добившись от Васи, мы ушли. Оказалось, он действительно поехал за фильмом на лошади с санями, погрузив в них какой-то трансформатор. Ему надо было попасть на противоположный берег, река в тот день была покрыта легким льдом. Вася направил лошадь туда; она, естественно, провалилась. На подмогу подбежали люди, оторвали или отрубили от лошади сани, которые ушли под воду, а Вася с лошадью выплыли. Вернувшись в клуб, он затопил печь, принял горячительное и уснул. Так мы и не видели фильм, но, слава богу, Вася и лошадь остались живы. Куда бы мы ни пошли в этой деревне, везде был свой Вася, как в Ухте встречали только двойников Губогло.

Между прочим, хозяйство в Курье было, по-видимому, неплохое, особенно молочное. Порой здесь надаивали столько молока, что не знали, куда его девать. Так как дороги часто были непроходимыми, а спецрейсы машин или самолетов были нерегулярны, молоко на ферме выливали прямо на землю. «У нас текут молочные реки, – говорили сельчане, – только кисельных берегов нет». Вот так безответственно велись дела,

вернее, неорганизованно переправлялись на «большую землю» продукты их труда.

С фермой было связано еще одно событие. Я пошла туда, чтобы купить молока. По дороге к ферме (вернее, на узкой тропке среди сугробов) за поворотом лежал, как мне показалось, волк, на которого я наткнулась. Местные жители рассказывали, что в эту зиму волки заходили в деревню. Я окаменела от страха, не могла двинуться, да и куда было двигаться. Немного придя в себя, я продолжала путь, медленно идя, чтобы «волк» не набросился на меня. Он проводил меня до фермы, благо она была недалеко. На ферме доярки, увидев меня в таком сопровождении, спросили, обратившись к моему стражу: «Дружок, кого ты нам привел?». Оказалось, это был пес – охранник фермы. «Всё очень благополучно кончилось», – как сказал бы Г.Н. Чагин.

Помнится, мы в очередной раз праздновали 8 марта. В этом заснеженном таежном крае весной, конечно, не было цветов, и ребята принесли в нашу контору веточки ели. Мы поставили их в виде букета на наш праздничный стол. Так необычно – 8 марта и букет из елок (фото 87). Но это не помешало нам отметить весенний праздник, немного повеселиться и вспомнить наших близких, оставшихся дома – родителей (особенно мам), жен, сестер, дочерей, а мне мысленно поздравить супруга, т.к. этот день был нашей очередной брачной датой. Нам присылали из дома письма с поздравлениями, сообщали о своей жизни, делах. Сын Т.А. Листовой, маленький Алеша, в письме к ней давал советы, и один из них особенно замечательный: «Мама, ты трудись, но не перетруживайся».

Мы много шутили, вспоминали свои приключения, а здесь, в Курье, был еще один повод для шуток. Мы привыкли к тому, что среди нас были две Ирины, две Татьяны. Каким-то образом обходились, обращаясь к той или иной тезке, а если кто-нибудь путался с нашими отчествами, говорили: «Называй меня просто Петя». В этот раз у нас были еще два однофамильца Ивановы – фотограф Сергей Николаевич Иванов и архитектор Степан Ма-

карович Иванов. Чтобы не путать, о котором идет речь, одному из них дали прозвище, заимствованное из анекдота: «Приходит в класс директор школы и говорит: “Дети, к нам завтра приедет делегация из арабской страны, поэтому Рабинович, Гинзбург и Иванов по матери завтра в школу не приходите”»).

Так и пришлось Сергею носить прозвище Иванов по матери (именно ему, т.к. он был сотрудником нашего института, и мы его часто видели, а Степан работал в архитектурной мастерской, и с ним встречались только в экспедициях).

Уезжали мы из этого края снова обходным путем. Сначала из Курьи попали в Троицко-Печорск. Поезда до Ухты пришлось ждать до утра, поэтому остановились в гостинице. Там оказался совершенно жуткий холод, и мы, опасаясь простуды, согревались как могли и спали, закутавшись во все, что было под рукой. Об этом Печорске, кроме холода, вспомнить нечего, а там были, как мы увидели мельком, храм Троицы, старые купеческие дома и другие интересные строения. Из Троицка добрались до Ухты, а оттуда до Москвы (фото 88).

Как я уже упоминала, в Пермь мы приезжали много раз: и в экспедиции, и позднее – для работы в архивах и музеях. В первый отъезд нам устроили проводы в нашем Русском отделе. С.Б. Рождественская написала по этому случаю очередной «сонет»:

Нас покидая...
(на уезд «пермяков» для работы в архиве)

*Нас покидая, помните о том,
Что мы в Москве о вас скупаем дружно,
И институт без вас, что сирый дом,
Где трудятся лишь честно и натужно.*

*Нас покидая, помните о том,
Что в лес архив, как волк, не убегает,
И что за вас ответственен профком,
Который вас во всем оберегает.*

*Нас покидая, помните о том,
Что надо вам и холода бояться,
И коль романы будут, то притом
Сердцами к нам отнюдь не охлаждаться.*

*Нас покидая, помните о том,
Что ждет вас сектор, словно мать родная,
И вы должны писать нам день за днем
И жить, всегда о нас не забывая.*

В первый приезд в экспедицию, а он случился ночью (как часто мы прибывали куда-нибудь ночью!), мы пытались устроиться в гостиницу, но тщетно. Долго связывались по телефону с людьми, которые помогли бы нам, но ничего не вышло. Тогда позвонили дежурному Пермского обкома партии, представились, объяснили ситуацию. Он помог, и нам отвели места в общих многоместных номерах гостиницы «Центральная». Когда мы зашли в женский номер, все спали, а электричество полыхало. Мы по быстрому улеглись на свободные места и выключили свет. Тут же заволновались наши соседки, умоляя не выключать его, т.к. иначе, как они говорили, отовсюду ползут клопы; при свете же они менее активны. Действительно, в темноте они сыпались с потолка и со стен на наши головы. Таких полчищ нам еще не доводилось видеть. Хорошо, что мы провели там только одну ночь. Правда, совершили некоторое противозаконие. Накануне ночью мы вытащили из сумок еду, которую привезли с собой из Москвы, чтобы по приезде позавтракать, никуда не бегая. Обычно в дорогу каждая из нас брала по курице, чтобы хватило на весь отряд. Этих куриц мы положили на подоконник: там было похолоднее, т.к. из окна поддувало. А утром соседок в номере уже не было, и мы, позавтракав, забрали со стола и с окна оставшуюся пищу и уехали. И только приехав на новое место, обнаружили, что захватили и чужую еду (это тоже была курица).

В другой раз мы приехали вчетвером – две Ирины, две Татьяны – устроились в небольшой гостинице, заняв отдельный но-

мер и оплатив и свои, и свободные места. Приехали работать в архиве и музее. Жили спокойно, иногда готовили себе пищу в гостинице, т.к. в столовых питание было неважное. Покупали на рынке картошку и чего-нибудь к ней и варили ее с помощью кипятильника в большой литровой кружке, которая у нас была с собой. Чтобы не попортить мебель от горячей посуды, подставляли под эту кипящую кружку что-нибудь толстое. Но однажды слегка прожгли стул (вернее, его лаковое покрытие) – появилось побледневшее пятно. Уезжая оттуда, помазали пятно то ли йодом, то ли марганцовкой, чтобы оно не выделялось. Вот так нанесли ущерб гостинице.

Напротив нашего номера жили геологи. Они несколько раз приглашали нас к себе познакомиться и провести время. Мы были стойкие, не соглашались. Тем более что в Перми у нас были знакомые, наши коллеги, и мы навещали друг друга. Особенно часто бывали в доме Г.Н. Чагина, познакомившись с его замечательной семьей – женой (хирургом-урологом), мамой (бабой Маней, как ее звали), маленьким сыном, развлекавшим нас игрой на скрипке и пением под эту музыку щенка. Нам удалось в беседах с их бабушкой узнать много этнографических подробностей. Раз мы ночевали в их маленькой квартире. Родители взяли к себе ребенка, нам уступили свой диван, на котором мы, женщины, легли поперек, в ноги нам подставили стулья, а мужчины спали на полу. Такой способ спать вчетвером на диване мы использовали неоднократно.

Однажды Чагины пригласили нас на обед. Мы привезли им из Москвы мясо, которое было невозможно купить в городе. Снабжение продовольствием миллионного промышленного города, как и всех других городов, оставляло желать лучшего. Чагины приготовили настоящие уральские пельмени. Нас удивил их вид: тесто было коричневого цвета. Оказалось, что в городе невозможно купить яйца, на которых делается тесто, и пермяки для этой цели использовали крепкую чайную заварку, придававшую пельменям такой цвет. Все искупалось необыкновенным вкусом этого блюда.

Наши гостиничные соседи не унимались и настойчиво звали нас в гости. В какой-то праздничный день мы шли из душа к себе в номер; они повстречались нам, предлагая зайти по праздновать, но мы снова отказались. К тому же у нас был свой повод праздновать – дни рождения наших близких, оставшихся в Москве, и встреча наших пермских друзей, для чего мы взяли с собой коньяк. У нас сохранилась зарисовка в стихах С.Б. Рождественской, которой мы описали эту картину, вернувшись в Москву. Стихи так и назывались «Мы шли из бани»:

*Мы шли из бани, – говорит одна,
Другая ей: не всё сказать возможно.
Геологи здесь шли и в преферанс
Стремились нас втянуть неосторожно.*

*Но тщетны их потуги – мы стойки,
Мы от ворот им поворот враз дали.
И больше нас соседи никогда,
Моральных, никуда не приглашали.*

*На четверых бутылка коньяку,
И месяц пьют ее четыре девы.
Невероятно!? Факт! Мы начеку.
Им сложим величальные напевы.*

*В мороз и стужу вместе, вчетвером
Они за сыновей и прочих близких
После работы пьют, и, видит бог,
Намеренья их нежные так чисты!*

Работая в Перми, мы успевали посещать и музеи, и областную библиотеку, и театр оперы и балета, и драмтеатр. Почему-то в нескольких спектаклях, которые мы видели, неоднократно присутствовал один герой – «тень Ивана Грозного» (как тень отца Гамлета). Так обозвали его в одном спектакле. Уж не специально ли выбрали пермские театры постановки, где речь шла об Иване Грозном или его тени? Как-то купили билеты, увидев на афише, но не прочитав ее до конца, название «Орфей и Эв-

ридика». Думали, что это опера К.В. Глюка, шли и напевали: «Потерял я Эвридику, нежный цвет души моей. Рок суровый, беспощадный, скорби сердца нет сильней». Оказалось, что это не то рок-балет, не то рок-опера (там было и то, и другое) на музыку А. Журбина. Транслировали фонограмму с исполнением вокальных партий И. Понаровской и А. Асадуллина. Было занимательно.

Об одной постановке в Пермском драмтеатре нам рассказывал Г.Н. Чагин. Он с семьей пошел на спектакль, в котором была представлена современная жизнь со всеми ее «вывертами», скандалами, пошлостью и т.п. Чагины не могли высидеть до конца, ушли с середины спектакля, объяснив свой уход: «Зачем нам это? Мы такой жизнью не живем». Этим изречением мы пользуемся до сих пор в тех или иных обстоятельствах.

В один из прилетов в Пермь нас встречал Г.Н. Чагин. Когда подали трап и мы сходили по нему, то увидели, как Георгий Николаевич бежит по полю и кричит: «Власовцы прилетели». Такое прозвище закрепилось за нами, поскольку начальником экспедиционного отряда была я. Понимаю, что людям со стороны услышать такой клич было несколько непонятно, т.к. сразу возникала ассоциация с настоящими власовцами, коих в северных лагерях перебивало немало. Но никому было неведомо, что так назывался наш отряд. Еще раз такое же ощущение возникло у меня позже. Это было связано с сотрудничеством с американцем Ричардом Моррисом, работавшим у нас в стране, а у себя на родине (в США и Канаде) занимавшегося старообрядцами. Мы помогли ему связаться с Пермью, где ему устроили поездку к пермским раскольникам. Он же, в свою очередь, организовал поездку нескольких человек от нас и из Перми к старообрядцам в Канаду и штат Орегон, затем привез к пермякам американцев для знакомства с «единокровниками». Он же был инициатором и Конгресса по изучению старообрядцев всех континентов, который проходил в Новосибирском Академгородке в 1990 г.

Ричард знал, что все называют нас власовцами. Как-то он уезжал в США, откуда через непродолжительное время должен

был вернуться. Я попросила его купить мне лекарство, которое здесь в те годы было трудно достать. Возвращаясь в Москву, он задержался в Германии и сообщил, что посылку с лекарством мне передадут работники германского посольства. Действительно, из посольства позвонили и спросили, куда мне доставить посылку. Договорились встретиться у нас в Институте. В Институт на девятнадцатый этаж посыльный не поднялся, а ждал меня в вестибюле возле охраны. Я спустилась и увидела человека, державшего в руках огромный пакет яркого желтого цвета, на котором крупными буквами было написано (о, ужас!): «Власовцам». Эта надпись отовсюду и всем была видна. Меня несколько озадачило, как в германском посольстве отнеслись к такому казусу, ибо власовцы и Рейх были в известных отношениях во время войны. Но посыльный меня успокоил, сказав, что они смотрят на это непредвзято, однако поинтересовался, не родственница ли я генералу А.А. Власову (об этом меня спрашивали неоднократно), на что я ему ответила, что это не моя урожденная фамилия.

Наш экспедиционный отряд был постоянного состава с 1978 г. Этим составом начали работать в Перми, а с 1980-х годов и в вологодских экспедициях, и продолжали пребывать в нем до начала 2000-х годов, когда закончили коллективную работу по северной тематике. Поскольку отряд работал в двух больших регионах – на Русском Севере и в Пермском крае, – то его называли Вологодско-Пермским, наподобие названия Вологодско-Пермская летопись. В отряд входили сотрудники Института этнологии и антропологии И.В. Власова, Т.С. Макашина, И.А. Кремлёва, Т.А. Листова, С.С. Савоскул (в двух экспедициях), А.В. Буганов (в одной поездке), фотограф С.Н. Иванов, аспирант института Т.И. Процевят (в одной поездке). В некоторые экспедиции с нами ездили и другие спутники: сотрудник ИНИОН В.А. Плющев, архитекторы И.А. Черепов, С.М. Иванов, художники Н.М. Макаров, А.Н. Тумбасов. Курировал нашу работу доктор исторических наук В.А. Александров, умерший в 1994 г., еще заставший выход в свет моногра-

фии о Перми (1989 г.), но уже не увидевший монографию о Русском Севере (2001; 2004). В Вологде нас неоднократно консультировал профессор Вологодского пединститута историк П.А. Колесников, который также не застал нашу книгу «Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века». В посвящении к этой книге мы написали: «Памяти наших учителей В.А. Александрова и П.А. Колесникова»; благодарность к ним мы сохранили навсегда.

Когда вышла пермская монография и ее прочитали наши знакомые пермяки, мы получили письмо от пермского художника А.Н. Тумбасова, которое я привожу здесь с некоторыми сокращениями.

«Уважаемые милые Власовцы...! Спасибо за этнографический фолиант трудов праведных, много хоженных дорогами пермскими, — с любовью, научными изысканиями, жизневедением, обрядопочитанием, когда Вам навстречу открываются люди душой и сердцем — молодцы!..

Внимательно... прочитывая страницы, сколько знакомых, ... разных мест... и рассыпаны они по всей книге с живым и наглядным иллюстрированием. Книгу нельзя прочитать и поставить, к ней придется обращаться и заглядывать не один и два, а много раз. Ловишь себя на мысли, благодаря судьбу, что организовался такой отряд, что Вам удалось-таки застать еще живых свидетелей и свидетельства уходящего навсегда. Вы работали и продолжаете работать (дай Вам бог сил и здоровья!) на границе исчезновения изучаемой этнографии. Возрождающаяся из пепла религия, милосердие, народный русский дух уже не вернется в былые избы, не влезет в куты [крестьянские башмаки], рубахи старинного покроя с вышивками и в “парочки” [костюм из юбки и кофты] светлые — свадебные, но они еще сближаются с современными, а темные — повседневные. Какая красота, эк Вы мило сфотографировались, Татьяна и Ирина — это что-то чеховское, до чего прекрасно, прямо-таки сыграли роль духовной идиллии, и крыльцо ведь подобрали. “Здравствуйте, это мы в одежде предков, — такую открытку выпустить бы!”.

Вам и Г.Н. Чагину взаимно повезло встретиться, подружиться и научно обогатиться. Посчастливилось и мне на незабываемое путешествие с Вами и знакомство...

Книга "На путях из земли Пермской в Сибирь" – нечто подобное "Ладу" Василия Белова. Огромен пласт поднял он, и на издательство ему повезло, но и Ваша книга не скажешь, что бедно оформлена и проиллюстрирована, по крайней мере, очень наглядно...

Желаем Вам здоровья и успехов... с благодарностью А. Тумбасов. Декабрь 1989 г.».

Подобные отзывы мы получили и от вологодских почитателей и коллег, которые устроили презентацию нашего «Русского Севера...». Приятно осознавать, что твои труды осуществлены не зря, что они будут нужны многим читателям и вообще людям неравнодушным и интересующимся нашей исконной русской культурой.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Тамбов (1955 г.) – первый экспедиционный опыт

Фото 1. Студенческая экспедиция прибыла в Тамбов. 1955 г.

Фото 2. Тамбовская экспедиция. Двузубая соха

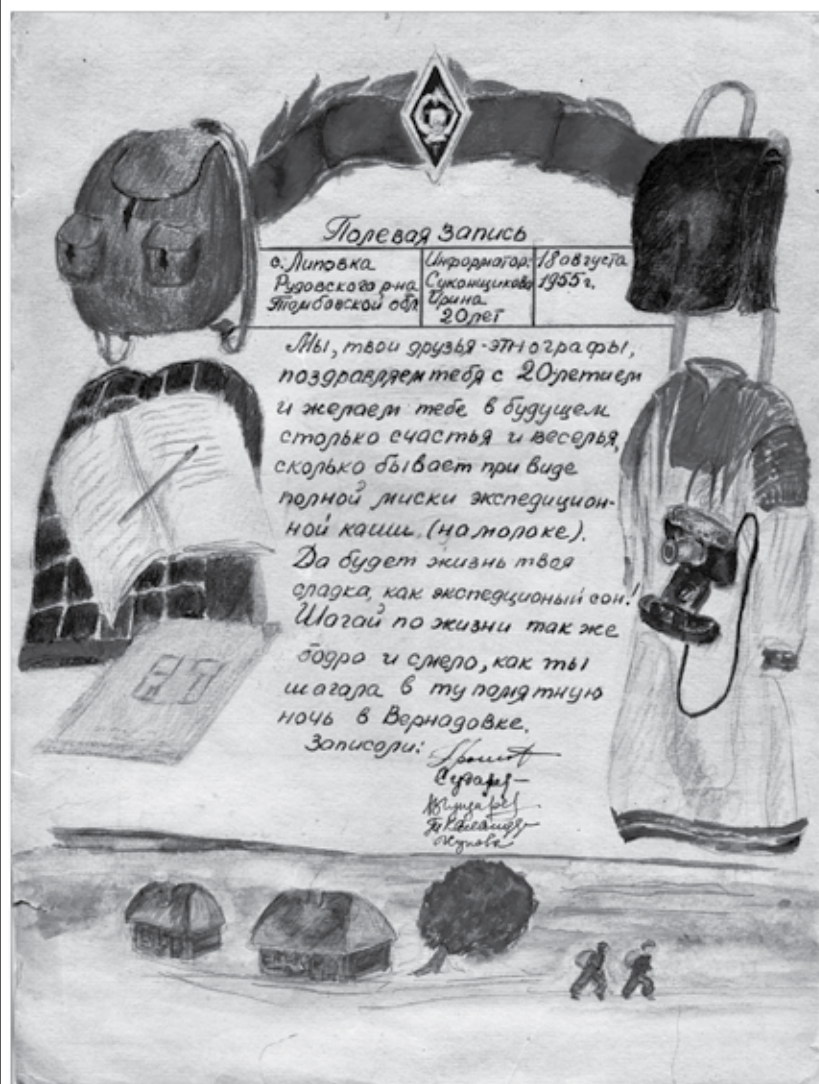

Фото 3. Поздравительный адрес на мой день рождения

Фото 4. Наш учитель Михаил Владимирович Витов

Фото 5. Дер. Малинуха Пришекснинского р-на Вологодской обл.

Фото 6. Новгородско-Псковская экспедиция. На деревенской улице по «Пути из варяг в греки»

Фото 7. Вместе с учителем в Ленинграде. Август 1956 г.

Фото 8. Со С.И. Дмитриевой на лесной тропе
в Новгородско-Псковской экспедиции

Фото 9. Ростов Великий

Фото 10. Экспедиция на Русский Север 1966 г. Баня на берегу Сухоны

Фото 11. Экспедиционная машина и участники экспедиции на пароме через Сухону. Г. Великий Устюг 1966 г.

Фото 12. Сольвычегодский музей 1966 г. За рисованием орнаментов

Фото 13. Соловки. Прогулка по острову у Белого моря. 1966 г.

Фото 14. На «взвозе» хозяйственного двора избы.
Архангельская обл. 1970 г.

Фото 15. Вологодско-Костромская экспедиция 1972 г. Чухломской музей.
В costume мещанки конца XIX – начала XX в.

Фото 16. «Шла девица за водой». Костромская обл. 1972 г.

Фото 17. Мой день рождения в экспедиции 1972 г. На борту машины плакат с поздравлением и наша стенгазета. Справа: я вылезаю из машины

Фото 18. Наш лагерь на краю деревни. 1972 г.

Фото 19. Ужин с хозяевами избы. Д. Черняково Тарножского р-на
Вологодской обл. 1981 г.

Фото 20. Празднование дня города в Вожеге Вологодской обл. в 1971 г.

Фото 21. Деревенский «парфенон» в д. Ручевской
Вожегодского р-на Вологодской обл. в 1986 г.

Фото 22. Празднование дня города в Великом Устюге. 1972 г.

Фото 23. Декор мезонина деревенской избы. Усть-Алексеевский р-н
Вологодской обл. 1987 г.

Фото 24. Кремль в Вологде

Фото 25. Софийский собор Вологодского кремля.
За ним дом семьи Варлама Шаламова (церковного причта)

Фото 26. Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой. 1981 г.

Фото 27. Спасо-Прилуцкий монастырь под Вологдой. 1981 г.

Фото 28. Вологодская городская управа в конце XIX – начале XX в.

Фото 29. Гостиный двор в Вологде. 1981 г.

Фото 30. Вологда. Слева торговые ряды «Пассаж»,
справа губернское присутствие

Фото 31. «Красный мост» через р. Вологду
и здание женского епархиального училища

Фото 32. Старое здание областной филармонии в Вологде

Фото 33. Домик-музей Петра I

Фото 34. Губернское присутствие в г. Вологде XIX в.

Забайкалье (1959 – 1960 гг.) – мои первые полевые сезоны
в Институте этнографии и последующие приезды в Сибирь

Фото 35. «Здравствуй, Байкал!» Забайкальская экспедиция 1959 г.

Фото 36. Участники экспедиции и жители с. Хонхолой в Бурятии 1959 г.

Фото 37. Обед экспедиции. Забайкалье 1959 г.

Фото 38. Женский костюм семейских старообрядцев. Новосибирск, 1990 г.

Фото 39. В забайкальской тайге на сборе кедровых шишек.
Обед в лесной избушке. Справа А.А. Лебедева и И.В. Власова

Фото 40. На сопках в Забайкалье. 1959 г.

Фото 41. Стенгазета «Розовая лошадь»
с карикатурой на членов экспедиции. 1959 г.

Фото 42. Фрагмент стенгазеты. Изображены Э.А. Каменецкая и И.В. Власова

Фото 43. Иволгинский дацан в Забайкалье. 1959 г.

Фото 44. Иволгинский дацан.
Участники экспедиции и лама.
1960 г.

Центральное Черноземье (Курск, Орел, Воронеж, 1964 г.) –
обследования Комплексной экспедиции Института этнографии

Фото 45. С. Г. А. Носовой. Экспедиция в Центральное Черноземье 1964 г.

Фото 46. Экспедиция в Центральное Черноземье.
С сотрудником ГМЭ (ныне РЭМ) В. Рогальским

Пермская земля и московские пермяки. 11 лет жизни.
(1978 – 1989 гг.)

Фото 47. У подъезда Института этнографии.
Ожидание погрузки в экспедиционную машину 1978 г. (на Дм. Ульянова, 19)

Фото 48. Пермский отряд Русской экспедиции 1978 г. На набережной Камы

Фото 49. На пароме по р. Вятке 1978 г.

Фото 50. Остановка в лесу на обед по дороге Москва-Пермь. 1978 г.

Фото 51. Предуралье ночью. По дороге в Чусовской р-н. 1978 г.

Фото 52.
Экспедиционные дороги.
Соликамский р-н
Пермского края
1979 г.

Фото 53. Пермские немцы. Девушка в местном русском костюме.
Д. Рогали Соликамского р-на. 1978 г.

Фото 54. Лесной водопой зимой. Пермская экспедиция 1982 г.

Фото 55. Спальные места на полках. Пермская экспедиция 1982 г.

Фото 56. Кедр-великан по дороге в д. Темную Чусовского р-на. 1978 г.

Фото 57. На р. Чусовой. 1978 г.

Фото 58. Деревня у р. Чусовой. 1978 г.

Фото 59. Пермский пейзаж. 1978 г.

Фото 60. Кратковременный послеобеденный отдых.
Д. Курья 1983 г.

Фото 61. Костюм из подгородных деревень — «парочка».
Д. Копально Чусовского р-на 1978 г.

Фото 62. Русский костюм из д. Зюзино
Юрлинского р-на Коми-Пермяцкого АО 1979 г.

Фото 63. Наш летний транспорт (Лёнчик дал свою лошадь).
Д. Зюздино Юрлинского р-на 1979 г.

Фото 64. Конец работы. Передача экспедиционной машины и имущества
Антропологическому отряду Н.А. Дубовой. 1978 г.

Фото 65. Старообрядец дед Пимен. С. Юм Юрлинского р-на 1980 г.

Фото 66. Самовар-ракета и клеенка на столе с изображением чертей у деда-старообрядца в с. Юрла Юрлинского р-на. 1980 г.

Фото 67. В старообрядческой келье с. Нюзим Пермского края.

Фото 68. «Пизанская башня» в пермской пармё. 1980 г.

Фото 69. Работа с информатором — бабой Варей.
Д. Усть-Уролка Чердынского р-на 1980 г.

Фото 70.
Встреча гостей в д. Усть-Уролке.
1980 г.

Фото 71. «Фотосессия» в избе бабы Вари. Д. Усть-Уролка. 1980 г.

Фото 72.
Женская часть
Пермского отряда.
Д. Усть-Уролка.
1980 г.

Фото 73. Здание управления имениями Строгановых
в с. Ильинском. Пермский край 1981 г. (ныне — музей)

Фото 74. «Спальня» участников Пермского отряда
в д. Комариха Ильинского рна 1981 г. (с нами белый кот и кошка)

Фото 75. Ждём самолет — греемся у печки в «накопителе».
Д. Курья Чердынского р-на 1983 г.

Фото 76. На посадку в самолет. Д. Усть-Уролка 1980 г.

Фото 77. Экспедиционный обоз. Пермский край. 1981 г.

Фото 78. На дворе - 40°. По дороге в д. Черепаново на Колве. 1981 г.

Фото 79. Парковка деревенского транспорта у сельсовета в пермской деревне

Фото 80. Волок на Печору с Колвы (33 км) по дороге в бывший скит Дий.
Март 1982 г.

Фото 81. «Приехали!» Мы в Дие. 1982 г.

Фото 82. Участники экспедиции в Дие Чердынского р-на. 1982 г.

Фото 83. Пермский отряд и все жители деревни Дий Пермского края. 1982 г.

Фото 84. «Наш незабвенный Дий на р. Колве» 1982 г.

Фото 85. Дым из труб — прямо в небо. Топят печи в избах рано утром

Фото 86. Охотник в снаряжении. Дий на Колве. 1982 г.

Фото 87. Празднование 8 марта в нашем жилье – кабинете бригадира колхоза.
На столе букет-елка.
Д. Курья Троицко-Печорского р-на Республики Коми. 1983 г.

Фото 88. Возвращение из экспедиции.
Вокзал в Перми. Ждём поезд «Пермь – Москва»

Ирина Владимировна ВЛАСОВА

скоропостижно скончалась 19 марта 2014 года, в момент, когда книга ее воспоминаний уже была подготовлена к изданию. Таким образом, книга стала памятником этому замечательному ученому.

И.В. Власова родилась в 1935 году в городе Вологде.

С 1953 по 1958 г. училась на историческом факультете Московского государственного университета, закончив который она пришла на работу в Институт этнологии и антропологии РАН (ранее – Институт этнографии АН СССР), где начала свою деятельность сначала в должности научно-технического сотрудника, затем младшего научного сотрудника.

В 1971 г. в Институте этнографии защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX века».

В 1988 г. защитила докторскую диссертацию «Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII – XVIII веков».

Последующая работа в Институте велась на должности руководителя группы «Историческая этнография русских». В 1995 г., став ведущим научным сотрудником, заняла должность зав. отдела «Этнология русского народа» и проработала в этой должности по 2007 г. Лауреат государственной премии Российской Федерации в области науки и техники, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

И.В. Власова совершила более 60 выездов в семнадцать регионов России. Результатом этого явилось написание 110 научных работ (из них пять – монографии), общим объёмом 230 а.л. Кроме того, ею было осуществлено титульное редактирование пятнадцати монографий объёмом 261 а.л.

Ирина Владимировна Власова была настоящим ученым, этнографом-профессионалом. Её основные научные интересы – это историческая этнография русских, ее направления:

- 1) этническая история и демография русских (XVI–XX вв.);
- 2) формирование этнотерритории русских и ее хозяйственное освоение (XVI–XX вв.);
- 3) региональная этнография русских: историко-географические и этнографические аспекты;
- 4) взаимосвязь народной культуры русских Европейского Севера, Урала, Сибири: этногенетические и историко-этнографические аспекты (XVI–XX вв.);
- 5) крестьянское землепользование и проблемы освоения Русского Севера, Приуралья и Сибири (XVII–XIX вв.);
- 6) русская сельская семья: состав, структура, семейно-брачные отношения (XII–XXI вв.);
- 7) этнокультурный тип русских в процессе формирования русской и российской идентичности (XVII–XXI вв.).

И.В. Власова вела активную научно-организационную и педагогическую работу:

- председатель Полевой комиссии ИЭА (1982–1992 гг.);
- член Научно-производственного и Специализированного ученого совета (с 1989 г.);
- куратор секции этнологии отдела истории РГНФ (с 2000 г.);
- главный редактор журнала «Этнографическое обозрение» (1995–2002 гг.);
- подготовлено к защите 4 кандидатов и 4 докторов исторических наук.

Научное издание

Ирина Владимировна Власова
Экспедиционные были. Путевые воспоминания

Редактор: Д.В. Громов
Художник: Е.В. Орлова
Компьютерная верстка: О.Г. Симонова

Подписано к печати 18.03.2014. Формат 60 x 84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. л. 10,4
Тираж 200. Тип. зак. 10

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32А